

Татьяна Ауғанцева

Семь пятниц
на неделе

Татьяна Луганцева

Семь пятниц на неделе

«ЭКСМО»

2012

Луганцева Т. И.

Семь пятниц на неделе / Т. И. Луганцева — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-53778-5

Груня Пичугина никогда не была за границей. И вдруг режиссер театра, где она работает художником-декоратором, буквально вынуждает ее лететь в Будапешт. Присутствие Аграфены в Венгрии оговорено контрактом – владелец венгерского театра Марк Тарасов намерен заказать ей портреты своих «бабушки с дедушкой». Чего не сделаешь для родного коллектива? Но на месте театральную труппу и Груню встречает... катафалк. Оказывается, Марк Тарасов недавно скончался. Зато ведет катафалк красавец-мужчина Вилли, и Аграфена глаз от него отвести не в состоянии. Тут события начинают развиваться с необыкновенной скоростью – на Вилли с завидной регулярностью происходят покушения. Однако Груня, естественно, совершенно случайно, но с той же регулярностью оказывается рядом и спасает загадочного красавца... Книга также вышла под другим названием: «Зачем коту копыта?».

ISBN 978-5-699-53778-5

© Луганцева Т. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Луганцева

Семь пятниц на неделе

Глава 1

Весьма привлекательная шатенка средних лет выключила телевизор и отшвырнула пульт в сторону, на большой мягкий диван. На лице ее прочно закрепилось недовольное выражение.

– Что у нас за телевидение? Что за передачи, особенно днем? Чувствую какая-то, хоть вообще не включай. Люди судятся друг с другом, устраивают разборки, совершенно не стараясь договориться о чем-либо, а только втоптывая собеседника в грязь. Да еще сериалы с пластмассовыми актерами, которых находят, кажется, на улице, в очереди возле гастронома.

– И правда, лучше и вовсе ящик не включать, – поддержала ее другая женщина, со светлыми волосами и большими голубыми грустными глазами. – А новости? Ты забыла еще о новостях каждый час по всем каналам. Вот когда мы слышали что-нибудь хорошее? Наоборот! Тут убили, там изнасиловали, здесь упал самолет или сняли с поста «оборотня в погонах»... При этом все понимают, что убивают каждый день, насилюют тоже и что добрая сотня других «оборотней в погонах» осталась сидеть на своих местах.

Блондинку звали Аграфена Романовна Пичугина. «Радость» по поводу имени «Аграфена» она, конечно, высказала родственникам, едва только подросла, но все же пришлось смириться и жить дальше, слыша в свой адрес то Груша, то Груня. А подруга Алиса, с которой мадам Пичугина разговаривала в данный момент, пошла еще дальше – называла ее «Гру» или «Ня», совсем уж сокращенно, иногда почему-то «Нафаня».

Дружили они уже тридцать четыре года, познакомившись в детском садике, и понимали друг друга не то чтобы с полуслова или полувзгляда, а с полувздоха. Груша была полностью согласна с известным философским замечанием, которое гласит: «Подруга – это та сестра, которую мы выбираем сами». В общем, они были, что называется, не разлей вода, вплоть до совпадения биополей, до взаимной привязанности и любви и до настоящей женской дружбы. А в том, что последняя существует, Аграфена даже не сомневалась, считая, что дело не в половом признаке, а исключительно в порядочности людей, будь то мужчина или женщина. И всегда очень ценила, что рядом с ней идет по жизни человек, на которого можно положиться, как на самое себя. Короче, с подругой Аграфене повезло.

Ровно так же думала и Алиса, в этом у них тоже было полное взаимопонимание.

– Мне еще очень нравятся новости, идущие под лозунгом «Никакой политики!», – продолжила разговор Алиса. – Мол, ребята, у нас сплошной позитив, все к нам, эге-гей! В итоге улыбающийся ведущий сообщает с экрана, что в такой-то школе ученики избили учителя, а доверчивые пенсионеры снова стали жертвой мошенников. Вот так позитивчик! И все это подается с очаровательной миной на лице, украшенном незатуманенными умом глазами. И не придерешься – действительно обходятся без политики. Только толку-то что? Все равно вгоняют в депрессию.

– Уговорила, новости тоже смотреть не будем, – улыбнулась Груня.

– И сериалы снимают непонятно о чем. Ерунда полная, ничего жизненного и такого, что могло бы чему-то научить. Лучше бы про твою жизнь сняли сериал. Это был бы сериалище! Женщины бы рыдали! – высказалась Алиса.

Аграфене трудно было с подругой не согласиться.

Ее воспитывала мать, женщина очень добрая, а если точнее – безвольная и мягкотелая. Поэтому она всегда, что хотела, то и делала. А в подростковом возрасте и подавно показала всю «прыть». Где-то в душе Груня ждала, что мама приструнит ее, одернет и вернет на землю, но

родительница только разводила руками, показывая свою полную беспомощность. Возможно, Груне не хватало отца. Вот она и ушла из дома, протестуя, в поисках твердой руки и твердого плеча. На ее беду, «твердым плечом» оказался семнадцатилетний хулиган Олег, вечно ходивший с дешевой папироской, зажатой в углу рта и источавшей жуткий запах, да сутками бездарно брэнчавший на расстроенной гитаре.

Родители парня нещадно пили и даже не заметили, что сын привел в свою комнату девочку с улицы. Единственным, что сказала его мать с опухшим, одутловатым лицом, когда Груня вышла утром из комнаты Олега, «где все и случилось», сконцентрировав на юной незнакомке мутный взгляд, было:

– О, деваха... Прикольно! Сгоняй-ка за пивком...

Приходившие в дом гости, местные алкаши, напивались вместе с хозяевами дешевого пойла, и их частенько выворачивало прямо где придется. Поэтому когда Грушу стало тошнить по утрам, она по детской наивности подумала, что заразилась от них «рвотным вирусом». Через какое-то время непрсыхающая свекровь второй раз посмотрела на Грушу – опять с утра, после принятия «живительной влаги», то есть пива, – и спросила:

– Олежек, сынок, а твоя дурочка не понесла? Не хватает нам лишнего рта и головной боли! Эк, балбесы вы бестолковые...

– Чего несла? – огрызнулся сын, который тоже уже прикладывался к пиву и вечером, и утром, и днем.

– Не беременная, говорю, деваха-то твоя? Ей сколько лет, идиот? Это ж статья! Вот горе мне, горе! Сразу говорю, никаких передач в тюрьгу от меня не дождешься!

Олег, сообразив наконец, о чем идет речь, изрядно струхнул. А когда выяснилось, что мамаша права, ударился в бега.

Грушу выбросили на улицу, и она попала в социальный приют для бездомных несовершеннолетних как подвергшаяся сексуальному насилию и к тому же беременная. Там с ней поговорили, оказали помощь и сообщили матери. Родительница пришла за своей блудной дочерью сразу же, как только узнала о ее местонахождении и положении. Груша вернулась домой и в пятнадцать лет сама стала мамой – других вариантов для нее не было. Олега она больше никогда не видела, да и не хотела видеть.

Кошмар вернулся к Груне (мамы ее к тому времени уже не было) пятнадцать лет спустя, когда ее дочь повторила ту же ошибку с одним лишь отличием – она забеременела от мальчика из приличной семьи. Игорь не собирался никуда сбегать, а хотел жениться на Олесе. Влюбленные расписались. Но через год разбились на машине, подаренной родителями жениха на его восемнадцатилетие.

Хрупкий мир Груши в одночасье разлетелся на мелкие осколки. Тогда-то к ней и пришла пожилая, с серым от горя лицом женщина – Серафима Ильинична, мама погибшего Игоря (отца же его разбил инсульт, мужчина не перенес трагедии и стал глубоким инвалидом).

– Ну, здравствуй.

– Здравствуйте, – разлепила белые губы Груня.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два.

– Господи, совсем молодая, у тебя все еще может быть.

– Не смейте такое говорить! Я не хочу ничего!

– Помолчи и успокойся, – прервала ее Серафима Ильинична. – Да, мы чужие друг другу люди, но нас свела судьба благодаря нашим детям, а теперь соединило горе. Ты родила рано, а я поздно. Кроме Игорька, у меня тоже других детей нет, только мне на двадцать лет больше, чем тебе, у меня муж инвалид и больное сердце. И единственное, что меня еще держит на этом свете, – внучка. Ей всего годик, и ей нужна семья! Ребенок не может ждать, когда ты придешь в себя после пережитого, Анюту могут забрать от нас в детский дом.

Слова Серафимы Ильиничны произвели на сознание Груши эффект разорвавшейся бомбы, эффект ледяного дождя на горячее тело. Нет, она помнила, что у нее есть внучка, которая осталась с родителями мужа дочери, но не могла, не хотела ничего и никого видеть, полностью растворившись в своем горе.

А дальше случилось невероятное. Они с Серафимой Ильиничной объединились в семью ради маленькой девочки. Груша переехала жить в трехкомнатную квартиру родителей Игоря и удочерила Анну. Серафима и ее муж Григорий Алексеевич стали для крошки дедушкой и бабушкой, что подходило им по возрасту и по ощущениям.

– Теперь у нашей Ани почти полный семейный комплект, – радовалась мудрая женщина Серафима Ильинична. – Хотя я буду тебя немного ревновать к нашему ангелочку, но зато смогу баловать, как все бабушки. А когда малышка вырастет, мы расскажем ей о ее родителях, своих юных детях, которые так трагично рано ушли из жизни.

В такой вот мирной, дружной и любящей семье они и существовали уже пять лет. Именно эту, не совсем стандартную, вернее, необычную ситуацию имела в виду Алиса, говоря о том, что судьба ее подруги Груши «похлеще, чем в сериалах». Жили они более чем скромно. Григорий Алексеевич так и остался парализованным, говорил плохо. Он требовал ухода по болезни, Анютка требовала ухода в силу возраста, поэтому Серафима Ильинична ушла с работы, не дослужив до пенсии два года. Именно на ней лежала забота о двух нуждающихся в ее помощи людях. А на плечи Груни легла нелегкая доля кормилицы, добытчицы средств для себя и еще троих человек, ставших ей очень близкими.

Вот только прыгнуть выше головы она не могла, поскольку зарабатывала не слишком много. Понятно ведь, оклад художника-декоратора при небольшом Доме культуры отнюдь не миллионный. Иногда ее приглашали для оформления каких-то шоу в ночных клубах или помощником именитого художника. Но помощник всегда получал как помощник, львиную долю гонорара забирали мастер, однако Аграфена всегда была рада любому приработку. Она бралась за все, а вечерами еще и писала картины маслом на всевозможные темы. Для души – пейзажи, по заказу – портреты, на потребу толпе даже сюжеты с эротическим уклоном. В общем, на жизнь хватало. Хватало на дорогие лекарства для дедушки, на оплату коммунальных услуг, на бензин для старенького «Сааба», на ежегодный отдых в Крыму и еще кое на какие мелочи.

Внешне Груша была очень красивая женщина – среднего роста, с прекрасными светлыми волосами, яркими глазами и стройной фигурой. Толстеть ей было некогда, она все время была в движении, постоянно в заботах, в бегах, порой и присесть некогда бывало. Естественно, и задуматься о себе было недосуг. Одевалась она очень нестандартно, как художницы, сочетая совершенно несочетаемые, казалось бы, вещи и смешивая яркие цвета, носила крупную бижутерию (друзья ей часто дарили такие вещи), могла ярко накраситься и при этом не выглядела вульгарно. Аграфена была очень добрым человеком, все время старалась помочь другим людям, но при этом бывала резковата и прямолинейна в общении, всегда говорила правду в глаза.

И вот однажды сидели они за кухонным столом с Серафимой Ильиничной в двенадцатом часу ночи и беседовали на тему, о которой Груня не думала много лет.

– Почему так поздно? – спросила Серафима, накладывая ей винегрета и ставя разогревать в микроволновку тарелку с ужином. – Ты прямо уже как тень отца Гамлета домой притаскиваешься...

– Пример в театре заболел, меня попросили подменить. Как я уйду? Я же – единственный художник.

– Театр! – фыркнула Серафима. – Твоего мистера Колобкова-неудачника? Что это за театр? Я понимаю, если бы ты работала в Большом!

– Чего захотела, в Большом... Там свои люди, туда абсолютно не пробиться без связей и блата. Я вот сколько работаю, заняла свою нишу, но без связей на приличное и хорошо оплачиваемое место не устроишься.

– Ты прекрасный художник. Это даже не мое мнение, а авторитетных людей, я слышала, как они говорили. – Серафима налила Груне домашнего компота. – Сама-то я в живописи ничего не понимаю, но и мне нравятся твои картины. Только вот в последнее время...

– Что?

– Они у тебя стали темнее, мрачнее, что ли. По краскам видно. Интересно почему?

– Да? – удивилась Груша. – Я как-то не замечала. Но взгляд со стороны всегда свежее. Я подумую, в чем причина таких перемен.

– А чего тут думать? Я тебе со свежим взглядом на этот вопрос отвечу. Ты же на грани нервного срыва! Посмотри на себя – кожа да кости, одни глаза, смотреть страшно! Скоро падать начнешь, твои громадные украшения притянут тебя к полу. Ты, Груша, просто-таки загнала себя в угол: работа, работа, заказы, заказы...

– А как же? Как будто тебе легко, – вздохнула Аграфена, вяло ковыряя вилкой винегрет в своей тарелке.

– Я – другое дело. И не обо мне речь. Посмотри, ты сидишь уже десять минут за столом, а съела один квадратик свеклы и две горошинки. И это за целый день! Дивно, ничего не скажешь. Кофе по сто чашек и одна сплошная работа! Разве так должна жить женщина в твоём возрасте? Ты мне в дочери годишься, ты же еще совсем молодая! Где твоя личная жизнь? – задала вопрос в лоб Серафима Ильинична.

Аграфена поморщилась и пожала плечами:

– Зачем ты об этом? Я сама себе не задаю такой вопрос, и не хотелось бы его слышать от тебя.

– А я тебе не чужой человек и болею за тебя всей душой! Переживаю за тебя! Я хочу, чтобы у моей внучки была счастливая мать! Кто еще тебя встряхнет, если не я? Ты же получила исключительно отрицательный опыт и эмоции. Ну, ладно, глупой девчонкой, когда не понимала ничего, забеременела, родила. А потом...

– Потом у меня появился ребенок, стало не до личной жизни. Период дискотек у меня прошел под флагом пеленок. Позже пыталась построить карьеру, но не очень продвинулась на этом поприще. Хотя тут, наверное, не моя вина. Честное слово, я старалась.

– Это и я подтверждаю, – согласилась Серафима Ильинична.

– Худо-бедно, но мы с дочкой как-то существовали. А затем... Затем Анечка у меня, вернее, у нас появилась. И снова пришлось работать, чтобы нас всех содержать. Знаешь, Серафима, как-то не было у меня никогда возможности заняться собой. Может, такова вообще моя судьба?

– Ужас, что ты говоришь! Все это очень плохо! Ты никогда не была замужем, не была любима и не любила по-настоящему. Трагедия, которая в нашей семье произошла, чудовищна, но раз уж ты осталась жить, то ты должна жить полноценно!

– В твоих устах это звучит сродни тому, что я должна иметь мужчину.

– А разве нет? Наоборот, в твоём возрасте не иметь мужчину ненормально. Да, у тебя была психологическая травма, но она уже переросла в болезнь, а ее надо лечить, – настаивала Серафима.

– Ну, не знаю. Просто я как-то их, мужчин, и не видела. И не вижу. Поэтому вопрос это тупиковый для меня, – вздохнула Груня, заставляя себя хоть что-то положить в желудок, чтобы не обидеть Серафиму.

– Вокруг же люди! – возразила та.

– Вроде да. Даже много людей.

– И среди них много мужчин, – справедливо отметила Серафима Ильинична.

Груня задумалась.

Если честно, актеров она вообще не рассматривала как мужчин. Многие из них были либо какие-то пафосные, либо бабники, а еще приверженные к вредным привычкам да с тяжелыми характерами, у которых все зависит от настроения. На ее глазах творились какие-то мелкие шашни, перераставшие в склоки, и даже ради великого таланта она не связала бы свою жизнь с актером. Люди из художественной среды тоже весьма своеобразны, Аграфена общалась с ними как с друзьями, коллегами, не более того. К тому же и у актеров, и у художников жены часто менялись, а она не хотела становиться одной из многих. Бывали в ее жизни совсем уж омерзительные моменты, когда пара-тройка мужей подруг тянули к ней потные руки, бормоча: «Чего ломаешься? Жена ничего не узнает!» От таких, обычно дышащих перегаром героев-любовников она старалась держаться подальше.

Еще Груша общалась со своим начальником, режиссером частного театра Эдуардом Эриковичем Колобовым – мужчиной слегка за пятьдесят и уже раз восемь (только официально) женатым. Бабник он был просто несусветный, сам это знал, каялся, но и поделать с собой ничего не мог. Естественно, режиссер «подбивал клинья» и к Груне, но та сразу отказала, и они, как ни странно, остались друзьями.

Ее подруга Алиса была женщиной разведенной и периодически не брезговала связями с женатыми мужчинами, в общем, жила так называемой нормальной жизнью. Только ребенка не могла никак родить, почему-то пребывая в полной уверенности, что с ней все в порядке, а вот «мужик измельчал»...

– Июнь скоро, – вздохнула Серафима, сменив наконец тему.

– Машина на ходу, – откликнулась Груня, понимая, к чему та клонит.

Каждое лето она вывозила Серафиму, ее парализованного мужа и дочку на дачу, когда-то принадлежавшую ее маме. Ребенок проводил там три месяца с июня до сентября, пока садик на летний период закрывался. В нынешнем году Аграфена с Серафимой Ильиничной долго спорили, отдавать Аню в школу с шести лет или с семи, и все же решили не лишать ребенка детства, дать девочке еще год побыть в подготовительной к школе группе.

– Это лето, потом садик, еще лето и школа, – перечислила сейчас Серафима. – Дождались, скоро наша ягодка пойдет в школу. Вот событие будет первое сентября! И пойдут по улице с цветами три женщины: маленькая, средняя и пожилая. Видишь, что за пейзажик? Только не хватает в нем одного – мужика. Анне рано еще, у меня – муж живой, хоть и инвалид, остаешься только ты.

– Ради исправления пейзажа подумаю, – засмеялась Груня, обещая сама не зная чего.

– Ага, отвезешь нас на свежий воздух – и подумай серьезно, – закивала Серафима Ильинична. – Как всегда, будут и воздух, и солнечные ванны, и купание в речке, и черника с малиной, клубнику еще посадили... А тебя будем ждать по выходным, как всегда, с гостинцами. А в отпуск когда к нам приедешь?

– Не знаю, Сима, может, в июле возьму. В середине лета дышать в Москве совсем нечем.

– Сильно-то тут не напрягайся. Я ж тебя знаю, готовить себе вовсе не станешь. Вечно голодная будешь – разговоры-то разговаривать не с кем. Сейчас, вон смотри, пока болтали, ты хоть винегрет съела, впихнула в себя через не хочу.

– Да, без тебя мне плохо будет. Но главное – ребенка из Москвы на лето вывезти, – улыбнулась Груня.

– Пожалуй, надо Лариску попросить за тобой присмотреть, – продолжала размышлять Серафима.

– Ты имеешь в виду Алиску? – поправила ее Груня.

– Тьфу ты, и то верно. Что-то я совсем в последнее время... Старость уже. Надо бы Аняте велосипедик, а нам газа завезти, да крыльцо подправить, а то, боюсь, ребенок покалечится. Может, там найду мужика какого, чтобы подешевле?

- Я заработаю, и обязательно все починим.
- Местный Федор по три тысячи за ступеньку просит, но гарантирует двадцать лет эксплуатации.
- А сколько у нас ступенек?
- Пять.
- Ого! Ну, ничего, заработаю. Все будет хорошо. Летом в театре тяжелая пора, спектаклей – ноль. Именитые труппы на гастроли выезжают, что-то зарабатывают, а нас никто не приглашает. Летом трудиться – просто в ущерб себе. Придется написать что-нибудь в стиле «ню». Не люблю я это, но ради денег...
- Горе ты мое! – взяла ее руку в свою Серафима.
- А знаешь, Сима, мы очень счастливые люди, что мы вместе.
- Я знаю. Кто бы сомневался...

Глава 2

Аграфена очень любила саму атмосферу театра, его запах, его энергетику. А энергия в театральных стенах витает потрясающая. Человек, посмотревший хороший спектакль, будет хранить о нем впечатления много лет, а эмоции, которые он испытал, останутся здесь. Таких спектаклей в год проходит несколько сот, и вся эта энергетика скапливается в одном месте. И восторг, и слезы, и треск досок на сцене, и кашель музыканта... Как будто висят в воздухе, и тонко чувствующий человек может их ощутить в атмосфере пустого театра. Аграфене даже казалось, что воздух в театре более тяжелый, густой и вязкий, чем где-либо еще. Если, конечно, такие определения можно применить к воздуху.

И вот появившаяся пятого июня в театре Аграфена вдруг ощутила эту тяжесть и вязкость воздуха. Но виной тому были не эмоции зрителей на игру артистов, выкладывавших душу. Банально пахло луком, чесноком, табаком, алкоголем и какой-то «жарехой». Она даже слегка оторопела от развернувшегося перед ее глазами.

Прямо на сцене стояли столы, сдвинутые не то чтобы буквой «П» или «Г», а вообще буквой не из русского алфавита, скорее каким-то иероглифом китайским. То есть столы были расставлены в хаотичном порядке, чтобы смогли сесть все. И чего только на тех столах не было! Нарезка колбас всевозможной расцветки в зависимости от содержания красителей, нитритов и бумаги в своем составе; связка сосисок в полиэтилене; оливки и шпроты, не переложенные в приличные емкости, а прямо так, в консервных банках с поднятыми вверх недоотрезанными крышками; сыр тоже в нарезке, но явно с помощью тупого ножа – огромными, толстыми ломтями; огурцы, помидоры в свежем состоянии и в соленьях; салаты домашнего приготовления и корейская морковка, как же без нее... Кое-где красовались вазы с фруктами, то есть с виноградом и откусанными уже яблоками, так как плоды были настолько жесткими и кислыми, что людей хватало только «на попробовать».

В данный момент главный режиссер театра Эдуард Эрикович Колобов, в простонародье Эдик, который в принципе должен был быть интеллигентным человеком, резал огромный шмат сала, устроившись за центральным столом. Сначала лезвие шло нормально, а потом завязло на корочке, и каждый раз он выкрикивал матерное ругательство, но все-таки дорезал до конца под аплодисменты пирующих. То, что дорезал прямо по столу, никого не волновало.

Собравшиеся уже находились в невменяемом состоянии – количество пустых и еще непотчатых бутылок, заполонивших все поле боя, поражало воображение. Аграфена оторопела от всеобщего веселья.

– Груня! – заорал зычным голосом режиссер, заметив вновь прибывшую. – Ты сдавала тыщу на заключительный банкет?

– Сдавала. А это и есть заключительный банкет? Мы же вроде в ресторан собирались. Я даже платье специально купила...

– Так что тогда стоим? Чего ждем? Особого приглашения? Какого черта опаздываем? Какой там ресторан! Везде такие деньги за аренду запросили, что мы решили общими силами сами отпраздновать. Платье она купила... Слышите, люди? Да лучше всего ты будешь без платья! Га-га-га... Мы сегодня празднуем закрытие сезона. Похоже, до сентября мы, Груша, в свободном полете.

Вопрос «Как до сентября?» застрял у Аграфены в горле. Ее подхватили под руки и подтащили к столу. С диким криком «Между первой и второй перерывчик небольшой!» ей всунули в руки сразу две рюмки и не отпустили ее хрупкие, слабые локти до полного их осушения. Груня даже задохнулась. Тут же ей в рот был засунут кусок какой-то из многочисленных колбас, не прошедших проверку в лаборатории в программе «Контрольная закупка», а затем

внимание к ней, слава богу, поутихло. Люди застучали своими рюмками и стаканами и дружно зачавкали, поглощая закуски.

Аграфена осмотрелась, когда глаза проморгались после слез, пролитых от принятия внутрь водки производства неведомого «завода», а также от попавшего в рот вместе с колбасой красного, жгучего перца. В основном за столом присутствовали все знакомые лица – сотрудники театра, начиная от ведущих актеров и заканчивая уборщицей и билетершей. За что Груня любила своего режиссера, так именно за его равное отношение к людям. Заккрытие и открытие сезона были для их коллектива два святых праздника. Тогда и вино, и водка лились рекой, закуска покупалась с размахом. Вот на такое «представление» она сейчас и попала, сразу же влившись с помощью водки в круг знакомых дружественных лиц.

– Ура! За Татьяну Ветрову! За нашу звезду-героиню! – неистовствовал режиссер, не отлепляясь от куска сала и периодически срываясь на мат в момент отрезания корочки.

Героиня, женщина лет сорока пяти, но выглядевшая много моложе, в белокуром парике набекрень, позаимствованном явно с двойника Мэрилин Монро, принимала комплименты в свой адрес. Если честно, актриса она была никакая, но зато обладала внешностью и сексуальным темпераментом, что в свое время оценил режиссер театра, о чем всегда шептались в кулуарах. С Татьяной Эдик, известный бабник, продержался даже дольше, чем на один раз и одну ночь. Они вместе продержались год, а потом не выдержали и начали изменять друг другу, ударившись во все тяжкие. Но примой Татьяна осталась благодаря своему таланту – не актерскому, а, как уже говорилось, сексуальному. Если в театр приходили какие-то проверяющие, например пожарный инспектор или инспектор по технике безопасности, сразу же в бой кидали Танечку Ветрову, обладающую способностью очаровать любого мужчину. И дело было сделано, документы подписаны, а Таня ехала в номера под аплодисменты и крики «Браво!». Такое положение, скорее всего, ей даже нравилось. Человек она была неплохой, только сильно любила мужчин, но это, пожалуй, и недостатком-то назвать нельзя, а так, маленькой погрешностью в морали и нравственности.

– Выпьем за нашего героя-любовника Николая Еремеевича! – продолжал неистовствовать режиссер.

С главным героем-любовником, ведущим, так сказать, артистом, ситуация была совершенно другая. У Коли имелся несомненный актерский талант, но вот внешности – никакой. Он был маленького роста, полный, с лысеющей головой и грустным взглядом старого бульдога. Еще сходство с названной породой дополняли обвисшие щеки, совершенно нездоровый цвет лица и темные круги под глазами, которые уже не маскировал даже грим. Зато своей игрой он зрителя «пробивал», ему верили, несмотря на внешность. Короче, ни на супергероя, ни на Казанову, ни на рыцаря актер не тянул. К тому же Николай Еремеевич очень сильно злоупотреблял спиртным. Даже так скажем – очень, очень сильно. И те самые не маскируемые круги под глазами и нездоровый цвет лица были тому свидетелями. Более того, не раз герой-любовник позволял себе выйти в пьяном виде на сцену. На его счету имелись и штрафы, и предупреждения, и строгие выговоры. Но уволить артиста не осмеливались – он был одной из немногих звезд в театре по таланту, к тому же несколько раз засветился в кино и сериалах, и на него шел зритель. В данный момент герой-любовник уже лежал своим некрасивым лицом в салате.

Кстати, не он один находился в таком положении. Режиссер перечислял еще какие-то фамилии, и каждый раз названные доставали лица из тарелок, находили в себе силы, чтобы поднять рюмку с водкой и поддержать тост. Что-что, а коллектив в театре был достаточно дружный и незлобивый.

– За восходящую звезду Настеньку Ермакову! – поднимал следующий тост Эдуард Эрикович, плотоядно улыбаясь.

– Ура-а-а!!!

Настя Ермакова пришла к ним совсем недавно и пока все свои таланты показывала только в кабинете режиссера театра и его же директора. Ходили слухи, что в театральный институт она поступила по блату и по блату же его окончила. А потом ее не взяли ни в один театр, ничего не увидев в ней как в актрисе. Вот так Настя и оказалась у них. Девочка была молода, глупа, улыбочива и обладала весьма впечатляющим бюстом, что являлось ее несомненным достоинством. А уж сколько было разговоров, пересудов и споров на тему, настоящая у нее грудь или силиконовая! Такие бы страсти да на сцену...

– А еще я хочу выпить за нашу чудо-художницу Аграфену Пичугину! – возопил режиссер. – Не знаю, что бы мы делали без нее! Вспомните наши красивые и стильные декорации, великолепные костюмы, которые она умудряется сшить вручную, чтобы сэкономить наш бюджет. А ведь как профессионально все получается! Из ткани не самой дорогой, а выглядят очень достойно. Груня и ваши морды гримирует, и украсила наше фойе. Ну, просто умница, мастерица на все руки! За ее талант, за ее видение мира, за находчивость и за то, что она не оставляет нас! Ура-а-а!!!

Танечка Ветрова поправила парик и добавила:

– Я еще желаю ей счастья в личной жизни. Это ненормально, когда такая молодая и красивая женщина все время говорит «Нет». Надо бы и «Да» уже сказать. Ты же живой человек или нет?

– Живой, – кивнула Груша, наблюдая за полностью расплывающимся изображением перед глазами. – Ик! Вроде...

– Эх, не знаю, куда мужики смотрят, – вздохнула Татьяна и опрокинула рюмку, как заправский выпивоха.

К тому времени, когда режиссер перечислил всех, не забыв даже уборщицу с билетершей, Груша уже ничего не соображала, хотя делала всего по одному глотку за каждый тост. Коллектив вроде не был большим, но водка делала свое дело.

Затем кто-то завел заунывную песню про погибшего в ущелье казака, так и не вернувшегося к своей девушке. А та все ждала, ждала...

– Слушайте, а повеселее у нас в репертуаре ничего нет? Ну, невозможно слушать! – возмутился кто-то. И тут же народ затянул совсем другую песню: «Ах, какая женщина! Кака-я-я-я! Женщина!!! Вот и мне бы... мне бы такую-ю-ю-ю-ю!!!»

Груня, у которой был музыкальный слух, нахмурилась.

– Ужас...

Над ней нависло красное лицо Танечки Ветровой.

– Еще один сезон закончился. Просто кошмар, как время летит. А давно ли начало праздновали?

– Я про то же подумала. И каждый раз об этом думаю. Время летит... – согласилась с ней Аграфена.

– Для меня лето – страшный период, – зашептала ей на ухо Татьяна. – Я не знаю, что мне делать, и совершенно расклеиваюсь. Весьма трагичная ситуация, когда я никому не нужна. Ведь без сцены не могу жить. Вот и затаиваюсь... И снятся мне страшные сны, будто стою я перед дверьми театра, а они все не открываются, и сентябрь не приходит никогда...

– К-к-акая женщина-а-а-а!! Мне б такую-ю-ю! – продолжал кто-то выть, потому что пением такой вопль нельзя было назвать ни при каких условиях.

– То есть уже наступил сентябрь, а театр не открывается, и я просыпаюсь в холодном поту, – продолжала Татьяна с дрожащими руками.

– Успокойся, Таня! Все будет хорошо! Три белых коня...

– Чего?

– Я имею в виду, что три месяца пролетят, как три коня проскачут... Ой, Таня, что я несу, это же про зиму. Голова болит.

– Ничего, завтра на работу не надо, отоспимся. Ох, Груня, нам теперь долго не надо на работу! Как же я выдержу? Тебе-то хорошо!

– Такая женщина... Мне бы такую-у-у... – упорствовал кто-то.

– Чем же это мне хорошо? Я так же, как и ты, остаюсь без зарплаты. В летний период нам только по пять тысяч довольствия дают, а когда спектакли, по двадцать пять, а то и больше выходит. Есть разница!

– Копейки! Все – копейки! – театрально закатила глаза Татьяна. – Но ты подработать можешь, картину, там, нарисовать и продать, хоть что-то. А вот мне что делать? Ведь не Новый год, чтобы Снегурочкой побегать.

– Мне б такую-ю-ю-ю... – снова донесся вопль.

– Нет, это невозможно слышать! Бабы, хоть кто-нибудь, дайте ему уже! – выкрикнул чей-то голос под общий смехок.

Таня странным движением сильно выпившего человека закинула руку над столом, словно удочку над озером, и зацепила кусок ветчины. Затем она не с первого раза попала этой ветчиной в рот и зачавкала.

– Ты думаешь, Груня, что я дура?

– Нет, что ты! Я никогда так не думала!

– Что без таланта? – продолжала Татьяна.

– Таня, ну, давай, не сейчас. И так настроение на нуле, – поморщилась Груня, не желавшая вступать ни в какие пьяные разборки.

– Да я и так знаю, что вы про меня думаете, – махнула рукой Ветрова. И еще больше понизила голос: – Считаешь, я сама это не понимаю? Я ведь сто раз проходила в разные места, я имею в виду искусство, и ни разу не прошла. По молодости-то можно было решить, что меня недопоняли, не разглядели, а теперь сорок пять – ягодка уже сморщенная или скорее забродившая. Но мозги-то увеличились и просто давят на череп! Поэтому у людей постарше и появляется давление – от работы мозга и накопленного опыта. Я – не медик, но точно тебе говорю. Конечно, я понимаю, что нет у меня особого таланта, а вот желание блистать на сцене всегда имелось просто дикое. Потому и работаю до сих пор в театре. Мужиков у меня было более чем, – изобразила Татьяна жест «выше крыши», – поскольку я на лицо смазливая. Тем и пользовалась, так как других талантов не было, зато при любимом деле держалась, так что ни о чем не жалею, – горько усмехнулась прима-героиня. – А сейчас вижу, что старею.

– Таня, прекрати! Ты еще о-го-го!

– О-го-го это в двадцать лет. И и-го-го было в тридцать лет. А на пятом десятке, дорогая моя, уже трудно. Я же чувствую ослабление интереса со стороны мужчин ко мне. Я же эмоциональна и чувствительна. Но, не двадцать лет, увы! А миллионы молодых девчонок уже подросли и созрели. И это ужасно печально. – Татьяна вдруг упала художнице головой на плечо, словно та внезапно перестала держаться на шее, и заплакала. Аграфена растерялась. А актриса шмыгнула носом и подняла зареванное лицо.

– Вон, посмотри на него!

– На кого? – не поняла Груша.

– На Эдика, конечно! Сидит, развлекается, глаза горят, слюни текут... А рядом кто?

– Кто? – не могла сфокусировать взгляд художница.

– Не тупи, Груня! Глаза-то разуй! – прикрикнула на нее Ветрова.

Аграфена сконцентрировалась. Директор театра, он же главный режиссер, сидел во главе стола, отпуская шутки, анекдоты и громко смеясь, то есть, как он сам выражался, балагурия. Эдуард Эрикович, несомненно, был душой любой компании и видным мужчиной – такой высокий, большой, полный, с кудрявыми волосами, длинными и лохматыми. По всему было заметно, что Колобов еще и бабник, хоть уже и стареющий. С одной стороны от него сидела

молоденькая гримерша Яна, а с другой – молоденькая же актриса Настя Ермакова. Обоих он щипал, целовал в щечки и периодически подливал им вина в водку.

– Вот видишь, с кем сейчас Эдик? – прошептала Таня. – Как бы я ни молодилась, как бы ни вела себя, будто мне все нипочем, а он – с молоденькими. – Прима снова отправила в рот кусок колбасы.

– Я не знала, что тебя это все еще волнует. У вас было что-то, но ведь давно... – честно сказала Груня.

– Мы просто мало с тобой общались. А зря! Но ты хорошая тетка, Груня!

– Спасибо.

– Не за что. Надеюсь, ты никому не расскажешь, что я до сих пор сохну по Эдику? Хотя... Может, меня только сейчас так вот пробило, а завтра я встану и не вспомню о нем! – гордо тряхнула актриса искусственной прической, и парик совсем потерял ориентацию у нее на голове.

– Я – могила! – заверила художница. – Только, насколько мне известно, ты сама от него ушла, и Эдуард сильно переживал. Ты была единственной женщиной, после ухода которой он переживал, а не вздохнул с облегчением, как обычно. Так говорили...

– Это так... Но я жила с ним год и все время боялась, когда он мне сделает ручкой. Я испугалась, дура, и решила опередить «прекрасный» момент расставания, – вновь пустила слезу Татьяна.

– Захотела бросить первой? – догадалась Аграфена. – Правда, дура. Так, может, вернуть все обратно?

– Издеваешься? Время упущено. Ты разве не видишь, что подрост второй состав? Зная Эдика, скажу: его можно взять молодым телом, а не душевными беседами, уж точно.

– Не говори глупостей, Таня! Ты – это ты. Давай, выпьем? – неожиданно для себя предложила Груня. – За любовь? За надежду? За то, что не все еще, может, потеряно?

– Давай! – тряхнула опять головой Ветрова. – А ты не будь такой же душой, как я. Учись на чужих ошибках.

– В смысле? – покачнулась Груша. – Тоже спать с Эдиком? Не хочу! Я того... тоже уже не попадаю в лунку... то есть в первый состав...

– Тьфу, дура! При чем тут этот бабник и мерзавец? Да чтоб он...

– Тише, тише! Ты же только что говорила, что любишь его.

– Ну, дала слабину минутную, я же предупреждала, что все в одночасье может поменяться, а ты и обрадовалась! – Актриса поправила парик и вытерла потное, сальное лицо концом боа из театрального реквизита. – Я тебе говорю – мужика ищи. Сейчас самое время – впрыгивай в последний вагон, успеешь! А я вот в ягодках сорокапятилетних подзадержалась. И вряд ли уже найду своего «грибника» или «ягодника». Если только лешего, выжившего из ума и ничего не понимающего в современной жизни и гламуре. Никакого просвета в будущем! Ни детей, ни мужа, с главных ролей скоро снимут... И что я стану делать на старости лет одна? Сдадут меня в богадельню. Небось, даже в интернат для ветеранов сцены не возьмут – не заслужила.

– Таня, прекрати! Мы же выпили за то, что все будет хорошо!

– Все, молчу. За любовь! За нее, проклятую!

– Да когда же это сало, будь оно не ладно, закончится? Я себе палец, кажись, отрезал! Не хотите сальца с кровью? – заорал басом режиссер театра, он же его директор.

Молодые девчонки завизжали от ужаса, а Аграфена подавилась. Татьяна же кинулась к нему, сметая все на своем пути, с криком:

– Подожди, дорогой! Твоя путеводная звезда спешит к тебе на помощь!

«Эта звезда больше похожа на крейсер или даже на ледокол, – подумала Груня. – Наверняка вся ее помощь сейчас будет заключаться в том, что она перевяжет ему руку грязным, засаленным, в ошметках еды боа!»

Потом что-то было еще и за что-то еще... А затем Аграфена отрубилась и больше ничего не видела и не слышала. Было ей сначала хорошо, потом плохо. Все как всегда, ничего не менялось в этой жизни.

Глава 3

Аграфена была очень удивлена. Она почему-то думала всю свою сознательную жизнь, что даже если и есть на свете загробная жизнь и если существует душа, способная покинуть тело, то, возвращаясь в другое тело, она обязательно выбирает человеческое. То есть осуществляется этакое переселение душ из одного человеческого тела в другое. Отсюда и происходят не очень убеждающие разговоры о том, кто кем был в прошлой жизни. То, что она умерла и душа ее отделилась, Груня поняла сразу по дикой боли во всех частях своего тела, в голове в том числе. Видимо, отрывалась от тела с трудом.

«Что ж так больно? Должно было быть легче: туннель, свет и новая жизнь, без низменного и ненужного», – думала она, удивляясь, что вообще способна думать в такой ситуации. Но потом, по звуку копающей лопаты, поняла причины столь резкой боли. Оказывается, ее душа не отлетела в рай, подарив ей редкостные минуты блаженства, а сразу же переселилась в... репку. Вот в чем была обида! Почему-то не в человека, а в овощ, вонючий и жесткий. Да еще такой вредный, который нельзя вытащить из земли просто и надо его тянуть, тянуть... Груню-репку явно кто-то хотел вытянуть. И кричат, и стучат лопатами вокруг... И бабка за дедку, и внучка за дедку, а за того Жучка и кот...

«Когда же все закончится?! – ужасалась Груня. – Просто кошмар какой-то!»

– Позовите мышку, – сказала она, сама не узнав своего голоса, и открыла глаза.

Над ней склонилось лицо режиссера театра.

– Чего?

– Мышку позовите, и уже закончим с этим, – более уверенно произнесла Аграфена.

– Какую мышку?! Не дай бог, нам опять мышей под сцену! С таким трудом вывели! – непонимающе моргал глазами Колобов. – Может, Груша, ты проголодалась? Приготовить тебе что-нибудь поесть?

– Ой, меня сейчас вырвет...

– Так ты того, не стесняйся. Многих уже вывернуло. Зато легче станет, – посоветовал ей Эдуард Эрикович, вытирая платком потное лицо. – Я, если честно, испугался за тебя.

– За репку? – уточнила Груша.

– За тебя! – поправил директор-режиссер. – Вся бледно-зеленая такая, фактически не дышишь... Я даже струхнул. Немного отходил тебя по щекам, ты уж извини. Очень обрадовался, что жива, слегка порозовела даже. Или это фингалы будут? Может, и перестарался я с оплеухами-то... Ты, если что, прости.

Аграфена поморщилась и попыталась осмотреться.

– А где мы?

– Где и все, в театре. Вчера как начали праздновать, так вот и... – развел руками Эдуард Эрикович. – Ладно, я пойду дальше, проверю, не потеряли ли мы кого-то на радостях. Нам только работников морга сюда на всеобщее веселье не хватало! Ты давай, в себя приходи, и Таню растолкай.

– Чего сам не растолкал? – спросила Груня, которую от слова «растолкай» опять замутило.

– Она меня уже стукнула и совершенно нелитературно послала, – пожаловался Эдуард Эрикович и буквально пополз дальше.

Аграфена села и поняла, что хоть она и почувствовала себя репкой, но в положении находилась очень даже неплохо. Во-первых, она была одета, и сие наводило на мысль, что она таки осталась честной девушкой. Во-вторых, лежала на бархатных сиденьях кресел (их подлокотники были подняты) в зрительном зале, в отличие от многих людей, валявшихся прямо в проходе и между сиденьями. Рядом лежала Татьяна Ветрова с капустным листом на лице.

- Таня, – потрогала ее Груня.
- А? Нет!
- Что?
- Боже, как мы напились! Грунька, у меня проблемы.
- Сейчас у всего коллектива одни и те же проблемы, – успокоила ее Аграфена.
- Алкоголь паленый, наверное, был. У меня вон кожа от лица отслоилась, – пожаловалась Татьяна, трогая дрожащей рукой капустный лист. – А для актрисы потерять лицо – смерти подобно. Подходил Эдик, и я его послала. Наверное, еще не заметил... Что делать, а?
- Это капуста, а не кожа, – пояснила Аграфена, снимая лист с ее лица и еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться – любые сотрясения внутренних органов в ее нынешней ситуации были опасны.
- Правда? Точно, я же забыла, что вчера сама его и положила, чтобы отеков с утра не было, – обрадовалась актриса. – Прямо гора с плеч!
- Ну и погуляли...
- Так радость-то какая!
- Какая?
- Ты что, серьезно не помнишь? – Таня подняла на художницу воспаленные глаза.
- Не-а. Как с тобой говорили, помню, а дальше провал, – честно призналась Аграфена.
- Так ты самого главного не дождалась! Эдуард все в секрете держал, чтобы сюрпризом сшибить с ног. И ему удалось – два человека уехали на «Скорой» в больницу.
- От радости? – усомнилась Груня.
- От нее самой, – утвердительно кивнула Татьяна. А затем торжествующе произнесла: – Дело в том, что он выбил нам работу на лето!
- Летом? Работа? – не понимала Груша. – Гастроли, что ли?
- Ага! Мы уже забыли, как это называется, но в нынешнем году у нас будут гастроли. Это чудесно! Едут фактически все. Ты тоже в списках.
- Я?
- А как же мы без художника? Честно говоря, Эдик хотел сэкономить, но я настояла, – шепнула ей Таня.
- Спасибо. А куда едем? В какой-нибудь Урюпинск? Деревня Горелово? Сельский клуб с черного хода, потому что ступеньки на центральном развалились? – спросила Груня.
- Фи! Откуда такое пренебрежение к провинции, душа моя? Оттуда люди едут в столицу, мы к ним. Круговорот! А чем плохо? Отдохнем от суеты, подышим другим воздухом, выпьем самогона... то есть молока коровьего... Тьфу, гадость какая!
- Да нет, я не против, – поежилась Груня, представив молоко с жирной пенкой сверху.
- Здорово я тебя разыграла?! – Татьяна своим громким возгласом просто взорвала мозг Груше. – Мы едем за границу. В Будапешт. Понятно? За гра-ни-цу! Вот это будут гастроли!
- В Будапешт? – оторопела Груша. И проямлила: – Это несомненно интересно.
- Ничего себе, интересно ей! Это же город на Неве, тьфу, то есть на Дунае, колыбель многовековой европейской архитектуры. Одним словом, за граница, а не какой-нибудь там Мухомосранск. Все решено! Мы летим завтра!
- Как завтра?
- А что? Паспорта у всех есть. Помнишь, режиссер интересовался их наличием на одной из репетиций? Мы еще ему принесли свои документы, показали в надежде, что спонсор отправит нас за границу. У кого не было, сделали тогда. Потом вроде сорвалось. Но, оказывается, Эдуард Эрикович не оставил эту затею, а продолжал действовать, только втихую, чтобы не сглазил никто, и вот устроил нам такой сюрприз. Визу Евросоюза всем сделали, паспорта готовы, лежат у Эдика, так что завтра летим в Бухарест.
- Куда?!

– В Бу-ха-рест, – радостно улыбнулась Таня.

– Так в Будапешт или Бухарест? – не поняла Аграфена, которую известие настолько озадачило, что она забыла на некоторое время, как плохо себя чувствует.

Между тонких, выщипанных фактически до одной ниточки, а потом почему-то опять нарисованных карандашом бровей Татьяны пролегла морщинка, несмотря на регулярные инъекции ботокса.

– Как же это он вчера говорил? Едем в Будапешт... Нет, едем в Бухарест. Буда... Буха... Не помню. Ой, что-то плохо мне, Груня, еще столько дел надо успеть сделать... Какая разница?

– Как это, какая разница?

– Если полетим в любом случае, то какая разница куда? – отмахнулась Татьяна, разглаживая лоб пальцами. – Не будь занудой!

И актриса, приняв гордую осанку, поплыла по проходу, безгласно посмотрев на бесчувственно лежащую Настю Ермакову и притулившуюся рядом с ней гримершу Яну.

– Эх, молодежь! Расти им еще до нас и расти! – вздохнула прима Ветрова, бросив уничтожающий взгляд на подходящего Эдуарда Эриковича, и со словами песни «Не ходи с ним на свидание, не ходи, у него гранитный камушек в груди» удалилась из зала вовсе.

Режиссер усмехнулся.

– Ну и язва! Но как держится! С каким достоинством! Богиня! Не зря я ее, змею, в свое время пригред на собственной груди.

Аграфена, увидев все это и услышав, тоже бы усмехнулась, если бы могла двигать хоть одной мышцей своего тела или лица. Окружающая действительность напоминала ей какой-то нескончаемый фильм ужасов. А Эдуард Эрикович выступал в роли главного героя, который ходил огромными шагами по полю боя и своими огромными ручищами проверял, живы его люди или нет. Хотя нет, не так. В свете последних, модных тенденций – остались люди людьми или уже переродились в вампиров и оборотней, подействовала ли вакцина или вирус оказался сильнее?

– Да, ну и погуляли вчера... – покачал он своей большой головой, только что не перекрещиваясь. Затем пожаловался Аграфене: – А уж когда узнали, что на заграничные гастроли летим, то вообще у всех крышу сорвало.

– Хорошо, хоть я до этого торжественного момента не дотянула, раньше отрубилась, – откликнулась Груня. – Но ты тоже даешь! Такой секрет в себе держал, а потом на головы ничего не подозревающих людей вывалил, как ушат холодной воды вылил. А вдруг кто-то не может лететь? Вдруг у него какие-нибудь планы?

– Вот только от тебя я не хочу ничего подобного слышать, – поморщился режиссер. – Ты летишь по-любому.

– Почему?

– Пойдем, Груша, поговорим. – Колобов ухватил ее под локоток и повел по проходу к своему кабинету.

– Обязательно сегодня?

– Завтра вылет! – напомнил Эдуард Эрикович, заворачивая за угол и открывая кабинет. – Присаживайся! Как тут душно... – Он открыл окно и плюхнулся в кресло. – Минералки?

– Не откажусь...

– Мне историю одну рассказать тебе надо.

– Я слушаю. Только не долго, пожалуйста.

Колобов наполнил два стакана, поудобнее устроился в кресле и закурил. Груше это не понравилось, поскольку такое начало могло означать, что рассказ может оказаться длинным, а ей этого совсем не хотелось в данный момент.

– Нашел меня не так давно один приятель, Марк Тарасов. Мы с ним вместе учились, черт знает когда, на режиссерском факультете. Очень интересный, кстати, парень был, многообещающий, не то что я, – усмехнулся режиссер и выпустил в потолок струю дыма.

Груня медленно пила холодную воду, чтобы хоть как-то унять тошноту, а от монотонного голоса Эдуарда ее стало клонить ко сну. Кроме того, болели и ныли затекшие от неудобного лежания конечности.

– Мы студентами еще полетели неожиданно за границу, и не куда-нибудь, а во Францию. Тогда это было немыслимо даже представить себе, но вот попали мы под какую-то показательную программу развития творческой интеллигенции. Мы были юны, полны планов, самонадеянны и вот попали в Париж. Тут все и началось – у нас просто сорвало крышу от прелестей жизни «загнивающей буржуазии». А закончилось не так захватывающе – Марк попросил там убежища, и нас всех быстренько угнали на родину и больше уже не отправляли в подобные поездки. Тогда мы были страшно злы на Марка, но с возрастом поняли: это был его выбор, и он его сделал. Конечно, не подумал о том, что нас потом затаскают по соответствующим органам... А может, считал, что нас не тронут или что прессинг будет не таким уж сильным. Да что говорить! Может, совсем ни о чем не думал! Я не видел его почти тридцать лет. Целая жизнь прошла, я ничего не слышал о Марке, и вдруг он объявился. Я, честно говоря, даже не узнал его. Заходит какой-то дряхлый, болезненного вида человек... А ведь мы с ним ровесники. В общем, я очень удивился. Мы с ним тогда долго сидели, разговаривали. Оказывается, все это время жил он в Европе, на родину решил приехать только сейчас. Ничто его здесь не впечатлило, и Марк с удовольствием собирался уехать домой, в Венгрию, где в данный момент обосновался. Тарасов стал очень богатым, дважды был женат... Если честно, я так до конца и не понял, чем конкретно он занимается по жизни, но в том, что как-то связан с творчеством, уверен. Например, Марк открыл в Венгрии театр для русских, маленький, но посещаемый бывшими выходцами из Союза. Видимо, бывших наших все-таки мучает тоска, если не по родине, то хотя бы по русскому театру. Вот он-то и пригласил нас к себе на месяц погостить и дать пару спектаклей.

– Интересно, – не удержалась от реплики Аграфена.

– Что?

– То есть ты хочешь сказать, что нас не какой-то театральный фонд, не государство пригласило, а частное лицо?

– Ну, да... Какая разница?

– Всю труппу? Да еще и меня, декоратора? И гримера, и еще обслуживающий персонал?

– Да, что такого-то? Пригласили же... Его проблема! – не понимал Эдуард Эрикович.

– И твой Марк Тарасов готов месяц содержать столько народа? Или мы за свой счет должны там существовать? – уточнила то, чему так удивилась Аграфена.

– Так он, я же говорил, очень богатый человек. Это – раз. Два – театр его собственность, три – Марк что хочет, то и делает, он очень хочет пообщаться – четыре, с русскими пообщаться – пять, у него большой дом – шесть, то есть мы там все разместимся. Да, может, Тарасов вину свою перед смертью загладить хочет! Убедил?

– Убедил. То есть мы будем на полном обеспечении?

– На полном. Мало того, Марк нам заплатит за спектакли.

– То есть мы еще и заработаем? – семимильными шагами приходила в себя Груня.

– Похоже на то.

– То есть нам безумно повезло?

– Конечно! Нет, покупку платьев и духов тебе никто оплачивать не станет, на них уж трать свои сбережения. А вот кушать и жить – пожалуйста! И зарплата будет.

– Это я понимаю, – с трудом кивнула художница, расплескав на себя воду.

– Летим завтра.

– А я тут при чем? Эдуард, давай договоримся так: я подъеду к вам позже. Или лучше совсем освободи меня от поездки. Мне надо к дочери на дачу, я своим обещала. Для меня твое предложение слишком неожиданное, – отказалась Аграфена.

– Да ты что?! – подался к ней всем телом режиссер. – Без тебя никак нельзя.

– Но почему? Как раз без меня вы спокойно обойдетесь. Скажи мне, какие спектакли повезете, и я соберу все декорации, все костюмы. Я вам абсолютно не нужна.

Эдуард Эрикович закурил вторую сигарету.

– Ты действительно не хочешь ехать? Там так здорово...

– Я хотела бы и очень рада, что так повезло всей труппе, но сама лучше останусь здесь. Правда, правда, все это чересчур неожиданно, и я не знаю, как дочка отреагирует. Аня с бабушкой ждут меня, а ты знаешь, что они – самое главное у меня в жизни.

– Марк, когда сидел здесь у меня в кабинете, обратил внимание на этот портрет. – Эдуард показал рукой себе за спину, где в золоченой раме висел его собственный портрет, написанный Аграфеной лет пять назад.

– Понравился ему?

– Не то слово. Тарасов был в восторге. Начал расспрашивать, кто автор и все о нем. Я повел его в наш так называемый красный уголок и показал другие твои работы. Если честно, Груня, я тогда подумал, не купит ли он что-то. Я продал бы, даже не спросив у тебя. Конечно, дал бы денег и тебе, но, главное, для театра оставил бы. Вон, смотри, все разваливается! Хоть одно окно бы установил, и то хорошо. Но Марк интересовался только портретами и ничего не купил. Зато сделал свое великолепное предложение, а это баснословные деньги. Оплатил нам авиаперелет, предоставил бесплатное жилье и питание в своем доме. Мы должны дать как минимум четыре спектакля для русскоязычных жителей Венгрии. Повторяю: нам еще и заплатят за них! Но Тарасов попросил обязательно привезти тебя – чтобы ты написала портреты его бабушки и дедушки. Ты понимаешь, что это значит? Он только из-за тебя, может, нас и пригласил! Вот что-то понравилось ему в твоих работах. Говорил что-то вроде – глубина и правдоподобность. Это словно плата за наше проживание и организацию гастролей. Я думаю, Марк ужасно расстроится, если приедем все мы без художника, которому он хочет заказать фамильные портреты своей родни. Может, и не выгонит нас, но расстроится точно.

Аграфена нервно повела плечом.

– А ты не думаешь, что если я оказалась такой центральной фигурой, то меня хотя бы надо было поставить в известность?

– Прости, Грушка.

– Я тебе не Грушка!

– А до дыньки ты не дотягиваешь.

– Ну, ты, Эдик, и пошляк! – возмутилась Груня, которая уже поняла, что ей деваться некуда. – Ладно, поговорю с Симой.

– Вот и молодец! Я же не виноват, что ему так понравились твои портреты. Ну, нарисуешь бабу с дедкой, зато коллегам по театру обеспечишь и заработок, и отдых, – затараторил Эдуард Эрикович. – Ты же знаешь, я за своих – горой. Я и сам бы нарисовал...

– Да только не умеешь.

– Вот именно! А ты умеешь. Чего тебе стоит?

– Хватит причитать, все понятно уже.

– Меня ты рисовала дней десять, помнишь? Ну, на бабульку с дедушкой потратишь не меньше, так что укладываемся в месяц-то. Причем мне позировать некогда было, мы все время прерывались! А бабке с дедом уж лет по сто, если Марку под пятьдесят. Сидят себе небось, не шевелясь, на солнышке. Ты их быстро нарисуешь.

– Напишешь. Художники говорят – напишешь, – поправила его Груня.

– Напишешь, – легко согласился режиссер.

– А другого художника нельзя взять? Твой Тарасов ведь меня не видел, – закинула удочку с последней наживкой Груня. – Могу порекомендовать талантливую художницу.

– Самая талантливая у нас – ты! И спасибо, что ты с нами! Ты вот, Груша, совершенно не умеешь слышать людей, поэтому и без мужика! Мужики, что любят? Чтобы их слушали, открыв рот.

– Без мужика я потому, что их нет нормальных, – сказала, как отрезала, Аграфена. – А при чем тут моя личная жизнь?

– Извини, извини! – поднял обе руки Эдуард Эрикович. – Просто Марк безумно талантливый человек, тесно связанный с искусством, так что, будь уверена, подмену сразу заметил бы! А я не хочу его обманывать. Когда-то Тарасов был моим другом, а сейчас сделал нам такое заманчивое предложение, буквально вытянув из долговой ямы. Правда, не хотелось бы возобновить знакомство с вранья. И потом, я ему уже сказал, как тебя зовут. Почему другой человек должен будет представляться чужим именем? К чему такие сложности? Просто секретная миссия какая-то получается...

– Ладно, – вздохнула Аграфена, – я подумаю и поговорю со своими.

– Неправильный ответ.

– Я приду! – выдохнула она с ощущением, что ее «достали», причем все.

– Совсем другое дело, – обрадовался Эдуард. – По коньячку?

Но Аграфена сорвалась с места, подавляя тошноту под раскатистый смех директора театра.

Глава 4

Вот что за странная психика у людей? Аграфена еще ни разу не летала на самолете, но почему-то заранее боялась, а потому не хотела. Наверное, это из-за неестественности процесса отрыва от земли такой громадины, да еще из-за наших «позитивных» новостей, каждую неделю сообщающих об авиакатастрофах. Поэтому в аэропорт она приехала в состоянии легкого возбуждения и нервного напряжения. Само здание и особенно виднеющиеся за его окнами «железные птицы», стоящие на бетонном поле, ей не понравились. Особенно последние. Они вызывали у нее смутные опасения и явную нервную дрожь в коленках. Груня всматривалась в каждый самолет с немим вопросом в глазах: «Ты точно не упадешь?» Здесь даже воздух был особенный, словно уже оторванный от земли.

Высокую и шумную фигуру Эдуарда Эриковича было видно издалека. Он отчаянно жестикулировал руками и что-то кричал резким пронзительным «театральным» голосом.

– Что такое? – подошла к нему Аграфена.

– Груня! Слава богу, хоть ты здесь! Доведете вы старика до инфаркта!

– Да что случилось-то?

– Некоторые из объявленных на отъезд не смогли прийти. И эти некоторые – те, без кого наши спектакли все с шумом провалятся!

– Что значит – не смогли? – не поняла художница.

– Плохо им, видите ли, до сих пор! Не отошли еще от празднования закрытия сезона!

– Со всеми все в порядке? Я имею в виду по здоровью? – забеспокоилась Аграфена.

– Ты хочешь спросить, не умер ли кто после банкета? Нет, все живы, но не в состоянии не то чтобы лететь куда-то, а даже встать. Лучше бы я сам уже отошел в мир иной и успокоился бы!

Груня осмотрелась и поздоровалась с присутствующими. Такое настроение главного режиссера было привычным делом.

– А кого нет? – спросила она.

– Летят два рабочих сцены, гример, десять актеров, я и наш бухгалтер Клавдия.

– Почти все.

– Разуй свои красивые глаза – нет ведущей актрисы Татьяны Ветровой. А ведь без нее не пройдет ни один спектакль, что мы везем. Можно разбирать чемоданы и расходиться по домам. В «Трех сестрах» Таня одна из сестер, «Любовь и голуби» – главная героиня Таня, «Любовный ужин» – Таня играет жену главного героя. И наконец, «Мышеловка», где Таня – убийца. Все наши четыре спектакля держатся на ней! И ведь никого так быстро не введешь! – Лицо Эдуарда приобрело багровый оттенок. – Все рухнуло! Мы никуда не летим! Первый раз в жизни выпал такой случай! Но кто же предвидел, что у меня в труппе одни идиоты?

– Да подожди ты паниковать! Ты звонил ей? – остановила монолог режиссера Груня.

– Конечно! С утра только этим и занимаюсь! Хотел заехать за ней и подвезти, но телефон выключен! Она, видите ли, абонент у нас, который не доступен! Горе мне горе! Пригреб, что называется, змею!

– Прежде всего успокойся. Сейчас принесу тебе воды. Время еще есть...

Аграфена отошла к ларьку с товарами в дорогу и достала свой телефон, собираясь сама позвонить Татьяне.

– Груня... Груня... – донесся до ее ушей шепот.

Художница обернулась и с удивлением увидела Ветрову, которая призывно махала ей рукой из-за угла киоска. Актриса была одета в длинное, пестрое платье, а ее голову обматывал платок. Так же лицо закрывали большие черные очки.

– Таня? Ты чего здесь? Специально, что ли, шифруешься? Ты похожа на мусульманскую женщину, которой муж не разрешает из дома выходить! – подходя к ней, изумленно воскликнула Аграфена.

– Конечно, специально. Тихо! – подтянула ее к себе Татьяна, поминутно озираясь.

– Зачем? Эдуард уже рвет и мечет! Ты хочешь вывести режиссера из себя? Вряд ли ты таким способом вернешь его любовь. Боюсь, Колобова скоро удар хватит. И вообще, что за маскарад? – недоумевала Груша.

Татьяна сняла очки и оттянула платок с нижней части лица.

– Смотри! Лучше один раз увидеть!

Аграфена глянула на нее и ахнула. Оба нижних века висели вниз, как у мопса, одно верхнее веко полностью наплывало на глаз, делая актрису фактически косой, вернее, одноглазой. К тому же у Татьяны наблюдалась общая асимметрия лица – один угол рта был полностью опущен.

– Господи, Таня... Что с тобой? Ты попала под каток?

– Вот, я об этом и говорю! Час уже тут прячусь. Как я появлюсь в таком виде? Меня Эдик убьет! Я ведь ведущая актриса, но играть-то все равно не смогу, даже если полечу со всеми. Чувствуешь, у меня даже дикция изменилась? Какая из меня чеховская сестра? А несчастная жена героя? Все же зрители будут на стороне мужа и любовницы – мол, от такой уродины грех не гулять, еще спасибо скажи, что на тебе вообще женились и хоть сколько-то прожили с тобой вместе! А в пьесе «Мышеловка» в самом конце становится ясно, что убийца скрывается под маской милой дамы, которую играю я. Все всегда ахают, когда это открывается. А что люди скажут сейчас? Да по моей роже сразу же будет видно, что первый злодей – я! Такой вот маньяк! – Таня заплакала.

Слезы из ее кривых глаз потекли тоже неравномерно, и Аграфена не смогла сдержать восклицания ужаса.

– Да что произошло-то? Почему ты в таком виде?

– Я же очень обрадовалась, что мы едем в такой романтический город, что мы летим за границу. К тому же я решила попробовать возобновить свои отношения с Эдиком, ведь окружающая обстановка должна была способствовать любви. И вот я с утра побежала к косметологу, чтобы сделать себе «уколы красоты». Не знаю, что там со мной сотворили, но у меня все морщины остались, а вот мышцы парализовало совсем не там, где надо бы. И у меня перекосило все лицо! – в отчаянии выкрикнула актриса.

– Я вижу...

– Да теперь все меня такой увидят! Что же мне делать, Груня?!

– Прекрати истерику! Откуда я знаю, что тебе делать? Я не врач! Зачем вообще ты пошла на уколы? Все же было хорошо...

– Глупейший вопрос! Чтобы стать моложе и красивее – для чего ж еще... И все ради Эдика, неблагодарного бабника! А ты подумала, я решила изуродовать себя из-за несчастной любви? Мол, смотри, что со мной стало?

– Нет, – смутилась Груша, – я подумала, что на тебе так сказались последствия вчерашней вечеринки. Некоторые тоже не пришли. Может, алкоголь и правда был некачественный, поэтому парализовало эти мышцы? Но если это ботокс...

– Именно ботокс! – заверила Таня, вытирая слезы и начиная внимательно слушать художницу, словно та действительно могла помочь ей и исправить перекошенное лицо.

– Тогда явление обратимое, я передачу слушала, – успокоила Ветрову Аграфена.

– А когда? Когда все вернется? – с надеждой посмотрела на нее актриса.

– Через полгода, – обреченно вздохнула Аграфена. – Ну, ты сразу-то в обморок не падай, может, и раньше...

– Что?! Полгода?! Катастрофа! Ужас! Что же делать?

– По-любому, Таня, сейчас мы должны идти к своим. Наш рейс уже регистрировать начали.

– Я не могу! Эдуард узнает про ботокс и убьет меня! Он всегда был против всего искусственного в женщине. Я уже прямо слышу его слова: «Старая дура!» И так я уже переживала, что скоро с ролей из-за возраста снимут, а тут еще неудачно «омолодилась»...

– А мы не скажем ему про ботокс. Придумаем что-нибудь... Но идти надо! А то его удар хватит, и вообще никому ничего говорить не придется.

И тут до их слуха донесся громкий голос Эдуарда Эриковича:

– Теперь еще и Груша пропала! Да что же делать-то? Что они, как муравьи, все в разные стороны разбегаются?

– Идем, – потащила Татьяну Груня.

Актриса быстренько прикрылась платком.

– Вот ты где! – кинулся к Аграфене режиссер. – А что за восточная женщина с тобой? Таня, ты? Почему в таком виде? Где ты вообще была?! Что происходит? Господи, что у тебя с лицом?

Колобов схватился за платок и быстренько размотал его. Сотрудники театра обступили Ветрову со всех сторон с возгласами удивления, сочувствия и ужаса.

– Отстаньте от нее, в самолете объясним. А сейчас все на посадку! Нас ждут Марк Тарасов, его театр и дедушка с бабушкой, решившие увековечить себя на радость потомкам! – неожиданно командным голосом произнесла Груня. И все ее послушались. Даже онемевший режиссер.

А уже сев на свое место, Груша, взявшая ситуацию под свой контроль, рассказала всем грустную историю, выдумав ее на ходу. Татьяна все это время молчала, давая людям возможность привыкнуть к ее внешности. А заодно не желая еще шокировать их тем, что у нее и голос изменен из-за искривления рта.

– Короче, надо завязывать, друзья, с распитием спиртных напитков на открытие и закрытие сезона. А то на очередном банкете кто-нибудь из нас закроется навсегда. Вот наша звезда Таня уже перенесла микроинсульт...

– О, господи, Танечка! – кинулся к Ветровой Эдуард Эрикович. – Так ты больна? Тебе ж в больницу надо, а не лететь с нами!

– Я не могу вас подвести, лучше умру на сцене, – пафосно ответила актриса.

– Да к черту все!! Главное – здоровье! – не соглашался режиссер.

Но в его взгляде, кроме ужаса, никакого особого сочувствия не наблюдалось. Груня прямо кожей чувствовала, как у него в голове тикают мысли, что ему теперь делать, раз главная героиня имеет теперь такое лицо. Ведь она именно им и работала за отсутствием особого таланта, а теперь и последнего лишилась... то есть лица.

Обрадовавшись, что режиссер заглох, Аграфена продолжила наступление:

– Таня была в больнице. У нее так называемый остановившийся инсульт, хуже ей не будет. Но актрисе нужен отдых и покой. Туда мы и летим!

– А четыре спектакля? – пискнул режиссер.

– Это не нагрузка для меня. Ты же знаешь, я живу на сцене, – прошамкала Татьяна.

– А как ты играть-то будешь? Ты сможешь? Это же катастрофа! – Наконец-то дошло до Эдуарда Эриковича, и все его мысли вылились наружу.

– Я шмогу, – шепеляво ответила Ветрова.

– Таня!!!

– Я сумею...

– Ты себя в зеркало-то видела?! Извини, конечно...

– Да чего уж, добивай меня, скажи, на кого я стала похожа! – пошла в атаку актриса. – Это все из-за твоих пьянок! Я на тебя в суд подам, ты мне еще и денег заплатишь, потому что я пострадала на производстве...

– Прекратите ссориться! – оборвала их Аграфена. – Главное, что состояние Тани обратимо.

– Обратимо? Значит, это пройдет? Слава богу! Когда долетим, ей уже будет лучше? – с надеждой спросил Эдуард.

– Пристегните ремни, наш самолет... – раздался голос стюардессы.

Аграфена приложила палец к губам, и на время все умолкли. Самолет взлетел.

Татьяна, сидевшая рядом с художницей, взяла ее за руку.

– Груня, посмотри, у меня с лицом не лучше? Все-таки поменялось давление и притяжение... Может, что расправилось?

– Нет, не знаю. Таня, да что ты глупости говоришь? Даже если бы и стало лучше, тебе что, полгода в самолете летать? Стюардессой устроиться?

– Не возьмут по возрасту, – хмуро ответила Ветрова, отворачиваясь к иллюминатору.

Аграфена наткнулась на полный мольбы взгляд Эдуарда Эриковича.

– Правда пройдет? – прошептал он, не в силах прийти в себя.

– Инсульт лечится полгода, – строго ответила Аграфена.

– Полгода! – ахнул режиссер и закрыл голову руками, словно прячась от ужасного известия.

– Видишь, как я плохо выгляжу, – повернулась к ней Татьяна, – он на полгода не согласен. Меня уберут с главных ролей!

– Тише ты, переживает он, – шикнула на актрису Груня. – Короче, придерживаемся версии инсульта. Никуда он тебя не сместит. Порядочный мужчина не тронет женщину, с которой был когда-то близок. Даже если любовь их в прошлом.

– Много ты знаешь, – вздохнула Татьяна. – Порядочный мужчина – одно, а бабник... – Ветрова махнула рукой, словно ставя на Колобова клеймо непорядочности на всю оставшуюся жизнь.

Стюардессы в это время стали предлагать напитки. И коллектив театра показал себя с дружной стороны. Опять-таки – с дружной! Все стали пить «в последний раз», чтобы снять стресс от полета и стресс из-за известия о болезни коллеги. Самым удивительным для всех стало то, что больше всех пила Таня, заливая в кривой рот мартини.

– А тебе можно? – осторожно поинтересовался Эдуард.

– А почему нет? У меня стресс больше, чем у вас. И вообще полезно – сосуды расширяет, – ответила она, заказывая еще.

– Ты сильно-то не увлекайся, в самолете очень дорого все, – предупредила ее Груня.

– Да ладно тебе, я взяла денег. Один раз летим! – отмахнулась ведущая актриса. – Все свои сбережения потрачу на красивые шмотки и алкоголь! Шмотки – для себя, любимой, алкоголь для мужиков, чтобы они с каждой рюмкой видели, как у меня что-то меняется в лице и оно становится более привлекательным.

В Будапеште – да-да, именно в Будапеште, а не в Бухаресте! – работники театра приземлились уже в невменяемом состоянии и высыпали из лайнера шумной, веселой толпой в пятнадцать человек.

– Ау! Нас кто-нибудь встречает? – зачем-то начал кричать Эдуард Эрикович. И тут же кинулся узнавать, где тут магазины со спиртным и есть ли какие-либо ограничения на продажу одного?

От таких его вопросов на английском языке народ шарахался в разные стороны. Даже таксисты и носильщики, которые вроде бы должны были помогать.

А в результате группу гостей Венгрии в полном составе забрали в полицейский участок. Эдуард Эрикович, самый главный заводила, сразу присмирел, как нашкодивший школьник, и смотрел в окно полицейского автомобиля. Задержанных везли в трех больших машинах. К слову сказать, несколько человек из них вели себя тихо, и их бы не забрали в полицию, потому что они-то общественный порядок не нарушали. Но сотрудники театра испугались остаться в одиночестве в аэропорту чужой страны без знания языка и попросились поехать вместе со всеми.

– Красивый город, – поставленным, но уже тихим голосом произнес Эдуард Эрикович.

– Не плохой, – ответила в тон ему Аграфена, ощущая спиртовые испарения, исходящие от ее коллег, да и, наверное, и от нее самой. – Главное, спасибо вам, господин Колобов, что вы нам обеспечили бесплатную экскурсию по городу. Правда, в полицейской машине, но это уже все равно, зато с ветерком...

– А чего я-то? – взлохматил волосы растопыренной большой пятерней Эдик. – Все веселились! Радовались, что долетели и сели. С нашими-то авиалиниями!

– Ага, только не все «веселящиеся» щипали женщин за задницу и кричали: «Эй, венгерочка, приготовь мне суп-гуляш! Холодец, я вижу, у тебя ничего!» – передразнила его Аграфена под сдавленные смешки коллег.

– Да это я так, к слову. Думал, оценят юмор.

– Что характерно – не оценили. Молчи уж теперь, – поджала перекошенные губы Таня, ехавшая в той же машине. – Тут тебе не Россия, сейчас впаяют лет двадцать за сексуальные домогательства, будешь знать!

– А я чего? Я ничего. И где Марк, черт бы его побрал?! Ведь знал же, что этим рейсом летим. Вот встретил бы – ничего бы такого и не было!

– У тебя вечно другие виноваты, только не ты. То есть тебя, тепленького и пьяненького, надо было забирать из самолета, пока Карлсон не начал шалить? – фыркнула Татьяна, смотря режиссеру почему-то в очень специфичное место, а именно в область ширинки. Видимо, это было что-то личное.

– Таня! – прикрикнул тот на нее.

– А что Таня-то? Твой друг давно живет за границей и ведет себя соответственно, он уже забыл про удаль русскую. Разве он мог предположить, что мы сразу же загремим в полицейский участок? Артисты, твою мать!

Глава 5

В самом полицейском участке их действительно ждал не очень радушный прием. Всю труппу заперли в большую камеру предварительного заключения и заставили ждать полчаса. Затем к ним пришли сразу трое мужчин в штатском.

У Эдуарда Эриковича уже закончилось действие спиртного, поэтому он снова становился раздраженным и злым.

– Какое вы имеете право нас задерживать?! Я требую представителя из Российского консульства! Мы граждане России! И мы ничего такого не сделали! Мы прилетели на гастроли, у нас отпуск. Ну, расслабились немного, и что? Почему такое отношение к русским? Когда у вас немцы пьют в пабах и орут жуткими голосами свои жуткие песни, это ничего! А все равно войну мы выиграли!

– Говорите по-английски, господа иностранцы? – спросил самый старший мужчина.

Выражение его лица Груне не понравилось.

– А я не обязан «спикать»! Я – россиянин! Приведите переводчика! – продолжал бушевать Эдуард Эрикович.

– Господин перепутал Венгрию с Турцией? Ох, уж эти неучи русские... Столько всегда понтов, а ведут себя как дикари. Прошли уже те времена, когда они диктовали свою волю половине мира, а в генах у них именно это и осталось, – сказал второй мужчина на не очень хорошем английском.

– А кто у нас тут страдает национализмом? – поинтересовалась теперь Аграфена, переходя на английский. – Вы что себе позволяете? Думаете, что вам удастся захватить пятнадцать российских граждан, и все сойдет вам с рук? Где представитель посольства? И я требую независимую прессу!

Мужчина слегка растерялся.

– Вы понимаете по-английски?

– Как видите, да. А вы, видимо, переводчик для работы с иностранцами-нарушителями?

– Не кипятитесь, мисс, я вовсе не то имел в виду... Никто вас не захватывал. Вы нарушали общественный порядок в аэропорту, а это серьезный проступок!

– Ничего мы не нарушали! Мы такой народ, темпераментный. Это наша вина? Итальянцев вы бы не задержали.

– Вы были пьяны...

– Просто мы боимся летать на самолете, поэтому выпили немного, расслабились... Они у нас часто бьются, посмотрите статистику. Мы, между прочим, впервые попали в вашу страну, радовались...

– Чрезмерно радовались, – нахмурился собеседник и стал переводить слова Аграфены мужчине.

– Чего он говорит? Нас арестуют? – запаниковал Эдуард Эрикович. – Переведи!

– А если мы извинимся? Мы уже все осознали и поняли, – продолжала напирать Груня. – Разве у вас много письменных заявлений на наш счет? Или только словесная жалоба?

– Письменных нет, но комиссар участка очень бы хотел знать цель вашего такого массового визита.

– Мы – труппа театра, – пояснила Груня, – артисты.

– В самом деле артисты? – удивился переводчик. – Это многое объясняет. Или вы вообще, по жизни, артисты?

– Нет, по профессии, – поправила Груня, стараясь взять себя в руки, чтобы произвести на хмурого полицейского и дотошного переводчика благоприятное впечатление.

– Вы в отпуск?

– Нас пригласил Марк Тарасов, живущий у вас вот по этому адресу, – протянула художница записку, которую давний друг оставил Эдуарду, будучи в Москве. – Он ждет нас. Между прочим, господин Тарасов директор местного русского театра и пригласил нас выступить там. Можете все узнать у него, мы не обманываем.

– Это уважаемый человек, – сказал сначала комиссар, а затем и переводчик.

– Так вы его знаете? Вот и прекрасно! Позвоните ему, и он все подтвердит, – обрадовалась Аграфена. И продолжила щебетать, пытаясь поймать волну, разболтать суровых полицейских и разжалобить их. – А я, как художник, должна написать портреты его бабушки и дедушки. А еще мы бы пригласили вас на спектакль. Только он будет на русском, и вы вряд ли что поймете.

Комиссар сделал какое-то странное движение руками, и мужчины молча удалились.

– Куда они? Что сказали? – спросил Эдуард Эрикович.

– Я не знаю, ничего не ответили. Наверное, пошли связываться с Марком, – предположила Груня.

– Так ему и надо! Не захотел нас встретить в аэропорту, придется встречать в полицейском участке. Карлсон уже нашалил, – высказалась Татьяна.

– Таня, прекрати! – покраснел режиссер.

И гости венгерской столицы снова погрузились в томительное ожидание.

– Не люди, а звери! Хоть бы чаю дали или просто воды! – высказал недовольство ведущий артист Николай Еремеевич, которого буквально тряс «товарищ Опохмел». Главный герой театра, как уже говорилось, давно страдал алкоголизмом и сейчас очень сильно от него страдал.

– А я в туалет хочу, – выдала Татьяна.

Тут уж Эдуард Эрикович взорвался и кинулся на закрытую дверь.

– Я президенту буду жаловаться! Да что ж такое? Здесь женщина с инсультом, а вы ее держите в камере!

Почти сразу же дверь открылась, и на пороге возникли все те же лица, а с ними очень красивый, молодой мужчина. Его внешность была совершенна – высок, широкоплеч, с лицом, словно вылепленным по классическим образцам античного искусства, темно-темно-синие глаза смотрели пронзительно и умно, а темные волосы, слегка выующиеся волной, касались ворота темной одежды.

– Это Вилли, он отвезет вас в дом Марка Тарасова, – сказал переводчик, представляя мужчину.

– Нас много.

– Всех отвезет, – заверил переводчик.

– Нас больше не задерживают? – прорвало Татьяну.

– Нет, штраф уплачен, все улажено. Но попрошу вас вести себя более тихо.

– Наш темперамент не погасить, русскую душу не затоптать! – опять понесло Эдуарда Эриковича, пока кто-то не закрыл ему рот рукой. По красному маникюру Груня поняла, что это сделала Татьяна.

Аграфена же вообще потеряла дар речи от вида Вилли, а когда встретила с ним глазами, ощутила внутри разорвавшуюся бомбу. Молодые девчонки захихикали:

– Какой хорошенький! Вот это мужик! У нас в России таких нет!

– Девочки, он словно из службы эскорта.

– Боюсь, моих командировочных на такого красавца не хватит, – оценивающе посмотрела на него Настя и обернулась к Аграфене. – Груша, а ты что язык проглотила? Спроси у этого мачо по-английски, свободен ли он. Или, может быть, он гей?

– Я прекрасно говорю на русском, – вдруг сказал мачо очень низким, приятным голосом. – Следуйте за мной.

«Господи! Он слышал весь этот бред!» – вспыхнула до корней волос Груня, хотя как раз она ничего и не говорила.

Девчонки тоже растерялись, а затем начали смеяться. Смех их оборвался на неожиданной ноте, когда они увидели припаркованный к полицейскому участку огромный... катафалк, украшенный траурными венками и лентами.

– Это что?!

– Наш транспорт, – махнул рукой Вилли, не меняя выражения лица.

– Вы издеваетесь? Почему катафалк? – поджала губы Татьяна, хватая Эдуарда за руку, словно прося у него защиты и помощи.

– Извините, не успел сменить транспорт.

– Вы работаете водителем на кладбище? – округлила огромные и красивые глаза Анастасия.

– Нет, что вы, я всего лишь рою могилы, катафалк мне доверили чисто случайно, – серьезно ответил красавец-мужчина. И добавил: – А вообще, смотрю, мои ставки упали – от мальчишка по вызову до водителя катафалка. Даже не знаю, что лучше.

– Но почему именно эта машина? Марк большой оригинал! – все-таки не сдержался Эдуард Эрикович.

– Мы сегодня хоронили Марка, и меня вызвали прямо с кладбища забрать группу задержанных, приехавших из России. Если бы я искал другой транспорт, вы бы просидели в заточении еще больше. Так что не обессудьте.

– Марк умер? Я не ослышался? – оторопел Эдуард, выражая общественное мнение и общественное изумление.

– Марк Анатольевич умер позавчера, сегодня, на третий день, похороны. Он говорил мне, что должна приехать группа русских артистов, где-то с неделю назад, но не сообщил ни дату, ни номер рейса. А потом, в связи с его смертью, вообще все из головы вылетело, закрутился. Столько хлопот и забот... Извините.

– Господи, какой ужас! – оцепенел режиссер. – Мы к нему летели, а он умер... Что же нам делать?

Вилли посмотрел на него и слегка улыбнулся, насколько позволяли приличия в данной ситуации.

– Комнаты приготовлены. Гости Марка – мои гости. Про организацию спектаклей он мне тоже говорил заранее. Живите, отдыхайте, играйте спектакли.

– Марк обещал нам бесплатное жилье и еду. А у вас?... – осторожно поинтересовался Колобов с видом человека, который, если что, немедленно отправляется назад и улетает на родину. И его можно было понять. Мало того, что первым местом, куда трупна попала по приезде в Венгрию, оказался полицейский участок, так еще и человек, к которому они приехали – умер. Все складывалось крайне неудачно. Но в данный момент Эдуард думал не о Марке, а о себе.

– Еще раз повторяю: все, на что вы рассчитывали, остается в силе. И еще одно. Надеюсь, это вас как-то успокоит. Марк жил в моем доме, у него самого ничего не было. Так что сейчас мы поедем ко мне домой.

Эдуард Эрикович дрогнул и галантно открыл перед собравшимися своими спутниками дверцу катафалка. Режиссер принял решение, и оно было очевидно.

– Прошу, дамы и господа! Извините, если что не так... Немного странная ситуация, но зато все поместимся.

Народ, невольно затихший, погрузился в машину. Вилли сел за руль, и катафалк плавно тронулся в путь. Красавец-мужчина выглядел очень отстраненным и холодным. А Груня не могла оторвать от него глаз, ее словно примагнитило к нему. Хорошо, что смотреть и любоваться она могла совершенно спокойно и беспрепятственно, поскольку сам мачо совсем на нее не смотрел. Ни на нее, ни на кого другого.

– Извините, а вы кем приходитесь Марку? – не выдержала молчания Татьяна, у которой от удивления даже лицо слегка выровнялось. Так сказать, шоковая терапия произвела свое действие.

– В принципе, никто, – пожал плечами Вилли. – Марк Анатольевич был очень не сдержанным в чувствах человеком, наверное, поэтому у него и было десять браков.

– Сколько?

– Десять. Он жил несколько лет с одной женщиной, а потом уходил к другой. Каждая последующая женщина была моложе предыдущей, – ответил Вилли и внезапно посмотрел в глаза Груне через зеркало заднего вида. Словно хотел глянуть на дорогу назад, а там – ее лицо с открытым ртом.

Аграфена от неожиданности вспыхнула и опустила глаза.

– Известная история, – хмыкнул Колобов. – И в институте Марк еще тот «ходок» был. Девчонки в общежитии с визгом по комнатам разбегались, когда Марк приезжал туда. Это из серии «Кто не спрятался – я не виноват!». То есть он был откровенным бабником. Ой, а так можно говорить? Ведь о мертвых или хорошо, или ничего, – запнулся Эдуард Эрикович.

– «Бабник» – это не плохо, а всего лишь констатация факта, – ответила Татьяна.

– Да, вот именно. Короче, Тарасов являлся большим любителем женщин. Но я не думал, что его увлечение примет такие масштабы! Десять браков! Он что, с ума сошел? Зачем надо было жениться? Гулял бы так.

– Боюсь, что на данный вопрос и сам Марк бы не ответил, – снова пожал плечами Вилли. – А если бы и мог ответить, то уже не спросишь.

– Есть такие люди, обычно эмоциональные и страстные. В порыве страсти они делают предложение, и все, назад пути нет, – неожиданно для самой себя высказалась Груша и тут же испугалась своих слов.

Многие тоже вздрогнули и удивленно посмотрели на нее. Уже отвыкли от ее голоса. А особенно оттого, что она размышляет о страсти и любви, ничего в этом не понимая.

– Не согласен, – спокойно откликнулся Вилли. – По-вашему, если человек, например, ни разу не был женат, так он совсем не эмоционален? Можно сказать, труп?

Аграфена покраснела.

– Груня у нас как раз такой труп, – кивнула Таня. – Но в душе у нее бушует спящий вулкан страстей. Мы в это верим.

Девчонки захихикали, а Груша наступила Ветровой на ногу, и та, театрально закатив косые глаза, заохала.

– Чем Марк занимался? Он был богат? – спросил Эдуард, которого больше других беспокоила судьба друга и особенно то, как Тарасов смог ею распорядиться.

Остальные молчали, поскольку мужчину и не знали.

– Он писал сценарии, насколько мне известно, – ответил Вилли. – Слонялся по европейским театрам – то там что-то напишет, то здесь. Нигде толком ничего не выходило. Много зарабатывать у Марка не получалось. К тому же он все, что имел, оставлял очередной семье, когда уходил. И начинал с нуля. Стоило хоть немного встать на ноги, как он снова шел дальше. В итоге остался абсолютно одиноким, никому не нужным и ничего не заработавшим немолодым мужчиной.

– И? Вы-то ему кто? – не унимался Эдуард Эрикович.

– Я его пасынок от третьей жены. Я не видел его много лет. Но моя мама перед своей смертью попросила меня, если когда-нибудь на моем горизонте объявится Марк Тарасов, помочь ему. Я не спрашивал маму, зачем ей это надо. Просьба, тем более предсмертная, для меня была законом. Но мама сама сказала мне, что все очень просто: она любила его. Многие вещи в нашем мире гениально просты, хотя порой кажутся сложными. Я не думал, что когда-нибудь увижу Марка, но моя мама оказалась мудрее. Не знаю, почему из всех своих десяти жен он,

в состоянии полной нищеты и полного душевного хаоса, пришел именно в наш дом. В мой дом. Наверное, моя мама была самой доброй и самой всепрощающей из его женщин. Я дал ему апартаменты, полное содержание и даже побаловал тем, о чем Марк мечтал многие годы, – приобрел здание, где он организовал первый русский частный театр в Венгрии.

– Человечный поступок, – пискнула Груня.

– Явно не доходное дело? – спросила Таня, имея в виду театр.

– Антидоходное, – согласился Вилли. – Но Марк был рад, словно ребенок, и так возился со своим детищем, что я не возражал. Иногда туда приезжали не очень известные труппы из провинциальных театров Венгрии, Европы и стран СНГ. Зал часто был полупустым. Но Марк старался если и не получить прибыль, то хотя бы окупить затраты на содержание здания, поэтому сдавал театр в аренду на праздники, юбилеи, свадьбы. Собралась группа самородков-энтузиастов из пяти человек, которые организовали там что-то типа театральной студии. К вашему приезду Марк организовал рекламу, и на четыре заявленных спектакля билеты проданы. Но зал там небольшой.

– А вы русский? – спросил Эдуард. – Очень хорошо говорите по-русски.

– Моя мама была русской. Отца я не знал, мне известно только, что он был поляком.

– Да... – громогласно и вслух задумался Эдуард Эрикович. – Я все годы совершенно ничего не знал о судьбе Марка, хотя порой вспоминал его. Почему-то не верилось, что дела у него плохи, казалось, что если остался на Западе, выбрав себе такую судьбу, то теперь как сыр в масле катается. А когда вдруг ко мне приехал, все время говорил, что деньги его, что приглашает к себе. А выходит, ничего своего у него и не было. Правда, выглядел Марк не ахти, что уж говорить. Я еще подумал: вот, погулял человек, попил...

– Марк Анатольевич тяжело болел. У него обнаружили рак, и все было предрешено. В Россию он отправился, желая проститься с родиной. Врачи прогнозировали, что жить ему осталось месяца два-три, но ошиблись. Жалко, что вы его не застали, не попрощались.

– Вот почему он так старо выглядел, – понял Эдуард. – Хотя бы сказал чего...

– Он не распространялся о своих проблемах и о своем самочувствии, в целом был очень позитивным человеком. Моя мама за это его и любила. Наверное, понимала его и принимала таким, каким он и был, – пожал плечами Вилли.

– Извините... – опять пискнула Груша.

– Да? – покосился на нее Вилли.

– А каких бабушки и дедушки я должна нарисовать портреты? Марк просил об этом нашего режиссера. Сколько же им лет?

– Я не очень хорошо понимаю, о чем речь. – Вилли снова пронзил Аграфену острым взглядом. – Говорите, бабушка и дедушка? Когда Марк жил с моей матерью, он перетащил к нам своих тетку и дядю из Советского Союза, которых назвал единственными своими родственниками. Люди они уже были не молодые, к жизни за границей не приспособленные, языков не знали. Моя мама прониклась к ним симпатией, взяла их под свою опеку. Марк бросил нас через пять лет и уехал в неизвестном направлении. Его родственники, которых он почему-то называл дедушкой и бабушкой, оказались в затруднительной ситуации, если не сказать, что в шоковом состоянии. Они не знали, что им делать. Нам с матерью они были никто, квартиру свою в России они продали. Мы их выгнать на улицу не могли. Мать моя была порядочная женщина, да и привязалась уже к старикам. Так они с нами и остались жить. Конечно, странная ситуация, но иногда и чужие люди могут стать родными. Хотя многим этого не понять. Еще раз говорю: доброта моей матери была безгранична.

– Вот как раз наша Груня очень даже может вас понять, – громко заявила Татьяна. И тут же захохала: – Да что все время ты делаешь? Совсем мне ноги оттоптала. Разве я не правду говорю? Ты же у нас как Мать Тереза!

– Я рад, что хоть кто-то может это понять. – Вилли опять взглянул в зеркало заднего вида на Аграфену, чем в очередной раз вогнал ее в краску.

«Хорошая тренировка для сосудов, но сейчас она уместнее Тане – может, быстрее бы закончилось действие лекарства. А мне вот совсем не к чему, выгляжу как дурочка», – подумала Груня. И вслух спросила:

– А сделать их портреты Марк попросил, наверное, ради успокоения совести? Чтобы попросить прощения у брошенных ранее родственников?

– Не знаю, что и ответить. Вроде головой Марк не тронулся, скончался в трезвом уме и здравой памяти. Видите ли, его родственники, так называемые бабушка и дедушка, умерли и похоронены на местном кладбище, недалеко от отеля. Так что я понятия не имею о каких-то там портретах.

– Похоронены? Совсем? – оторопела Груня.

– Нет, частично! – хохотнул Эдик. – Извините...

– Совсем, оба, – серьезно подтвердил Вилли. – Они жили всю жизнь вместе и умерли легко, друг за другом, как говорится, в один день. Повторяю: я не знаю, зачем Марк просил их нарисовать.

Пассажиры катафалка примолкли. Затем раздался чей-то истерический смешок, его подхватил нестройный хор, а вскоре просто истерический гогот прокатился по просторному салону похоронного автомобиля. У них постоянно что-то не складывалось! Мало того, что Марк скончался, а теперь еще оказалось, что то, ради чего он все это и затеял, вызвал русскую трупку, тоже не существовало – портреты писать было не с кого, люди умерли.

– Повезло тебе, Груня!

– И едем на катафалке, что опять же знаково в свете заказа на портреты, – мрачно отметила Аграфена.

– Ну, не стоит относиться к случайному совпадению трагично, просто так получилось, – возразил Вилли, – дальше все у вас пройдет радостнее.

– Надеюсь, – мрачно откликнулся Эдуард Эрикович. – А то прилетели, как идиоты... Я-то могу подтвердить слова Груни – Марк, когда был у меня, очень настаивал, чтобы вместе с нами в путешествие отправилась именно эта художница и именно для того, чтобы нарисовать портреты «бабушки с дедушкой»! Все, что вы сейчас сказали, лично у меня вызвало шок. Извините, Вилли, а вы по жизни чем занимаетесь?

– Да это не столь важно...

– Извините, уж важно! Мы едем к вам домой в странной машине после неприятных известий, что все умерли, и имеем право знать, – не согласился с ним Эдуард Эрикович. – Я в ответе за своих людей! За свою трупку!

– Я похож на маньяка? – удивленно поднял красивую бровь мистер Совершенство.

– Да кто вас знает! Хотя, судя по тому, как легко вы вытащили нас из «обезьянника», наверное, имеете вес, – здраво рассуждал Эдуард Эрикович.

– Или деньги, – буркнул Вилли и остановился.

– Вот вы и ответили!

– Мы приехали, – сказал Вилли.

– А поминки будут? – осторожно поинтересовался режиссер.

– То есть кушать хотите? Конечно, сейчас поедим, – правильно понял хозяин.

Он вышел из машины и открыл дверцу. Всем дамам подавал руку, чтобы помочь выбраться. Настенька неловко споткнулась и упала всем своим красивым телом, просто плашмя, на Вилли.

– Ой, простите! – Ее светлые волосы коснулись его щеки, а губы почти губ. – Я так взволнована... и такая неловкая...

Мачо удержал ее за талию и поставил на ноги.

– Ничего страшного!

У Груни же неприятно защемило сердце. Было так ясно видно, что падение разыграно. Художница поспешно отвернулась и невольно залюбовалась открывшимся ее глазам пейзажем.

Глава 6

Прямо перед ними находилось здание просто-таки дворцового типа – этажей в восемь, с лепниной, колоннами и статуями по фасаду, с золоченой крышей, увенчанной шпилем, на котором развевался флаг Венгрии. Вокруг дома было очень много зелени и цветов, а прямо перед ним была устроена набережная. Дальше – широкая и глубокая река Дунай, по центру – зеленый остров с видневшимися черепичными крышами построек, а затем другой берег, тоже утопающий в зелени.

– Красота! Прямо у реки будем жить! Какое небо! Какой воздух! – наперебой заговорили прибывшие. – А где дом-то ваш?

– Вот он, – махнул рукой на дворец Вилли. – Сейчас придут люди и отнесут ваш багаж.

– Это дом? – оторопела Татьяна.

– Не дом, а отель, вон, я вижу пять звезд, – догадался Эдуард. – Марк заказал нам такой шикарный отель?

– Этот отель мой, – поправил его Вилли, – и я хочу расселить вас здесь. Вы против? Нет, я, конечно, могу отвести вас к себе, но мой дом не очень большой, а у вас компания все-таки не маленькая. Да и я часто живу здесь же, в отеле. Тут и ресторан, и обслуживание, и мой рабочий кабинет. Весьма удобно.

– Мы не против! – бросилась в бой Настя.

И все направились по центральной аллее к отелю. Прямо перед входом находился источник, защищенный каменной резной беседкой.

– Минеральная вода, можете пить, – пояснил Вилли. И чуть не сбил с ног Настю, следовавшую за ним по пятам, так резко повернулся и направился к Груне. – Зачем вы все это тащите? Я ведь сказал, что сейчас все заберут! Вам же тяжело!

– Художник сам носит свои кисти, – ответила она, в одной руке держа планшет, а в другой свернутые холсты.

– Давайте, я помогу! – тоном, не терпящим возражений, заявил Вилли и забрал всю ее ношу.

Тут же между ними снова нарисовалась Настя.

– Это серьезно ваш отель? Прямо вот вы хозяин всего этого?

– Да.

– А он у вас один?

– Их сеть по Европе и один в Америке, – ответил Вилли. И снова обратился к художнице: – Груня или Груша, вам как больше нравится?

– Мне все равно, если честно...

– Вилли, – встряла Анастасия, оттесняя Груню, – так вы очень богатый человек?

– Не жалуюсь.

Настя подцепила его под руку, все дальше и дальше оттесняя Аграфену.

– А ваши апартаменты где располагаются?

– Я живу в люксе.

– Под крышей?

– Нет, наоборот, на первом этаже, с видом на Дунай.

Настя все щебетала и щебетала, уводя его все дальше и дальше.

Груня с тоской посмотрела на ее точеную фигурку и стройные ножки без признаков отеков и варикоза.

– Ну и дура ты, Груша! Прости, господи, мою грешную душу, – вздохнула, догнав ее, Татьяна.

– Чего так не лестно?

– А то ты не поняла! От тебя мужика просто физической силой увели. Он подошел к тебе, а ушел с другой.

– А что мне было делать? Драться с ней?

– Да хотя бы! Парик ведь не упадет и вставная челюсть не выскочит за неимением обоих, могла бы указать юной нахалке ее место. Она же порхает из постели в постель, ищет, где послаще, то есть побогаче.

– А я никогда не дралась из-за мужиков и сейчас не собираюсь.

– Так и напишем на твоей могильной плите: «Она никогда не дралась за мужиков, называла их козлами, плевала им в лицо и смеялась в похотливые глаза. Она была гордая особа и умерла нетронутой. Просто дура!»

– Таня, не утрируй.

– За такого мужчину вполне можно было бы подражаться, – снова вздохнула Ветрова. И вдруг закричала жутчайшим голосом: – Эй, молодой человек! Вилли, обождите! Помогите старой, больной женщине! А ты, Настенька, что-то совсем забыла про своего дедушку-режиссера, которого горячишь ночью, дожидаясь, когда он снимет с главных ролей старую любовницу и поставит тебя, молодую и приткую. Чего уставилась? Смотри, как бы на ветру ресницы не отклеились!

Настя прикусила губу.

– Ну ты, Таня...

– Что, Таня? То, что я стерва, знает весь театр, но это тебя не остановило, когда ты прыгнула в постель к моему Эдику. А вы, молодой человек, держитесь от этого спелого персика подальше. Он уже с душком!

– Карга старая! То-то тебя перекосило... Чтоб ты сдохла! – злобно выпалила Настя и побежала по ступенькам вверх.

– Эдик, дорогой! Какая же из нее ведущая актриса? У нее нервы ни к черту! – обратилась Таня уже к режиссеру.

Вилли, а за ним и прибывшие артисты вошли в отель, который сразу поразил гостей дорогой отделкой. Кожаные диваны, ресепшен в темном дубе, скрытая подсветка, итальянская мозаика на полу и тяжелые бра из латуни по стенам. А посередине холла был установлен фонтанчик – писающий мальчик. Вилли положил вещи Груни в углу и двинулся к стойке, чтобы распределить номера. Русская труппа облепила его со всех сторон.

– А номера одинаковые? А на сколько человек? А ванная или душ? А какой вид из окна? А точно все условия одинаковые?

Одна Аграфена стояла отстраненно и не рвалась в бой.

Вилли, казалось, ничто не могло вывести из себя. Совершенно не повышая голоса, он всех усмирил:

– Для вас забронировано крыло с видом на Дунай на втором этаже. Номера одинаковые, рассчитанные на двоих. Расселяться можно вдвоем и по одному, если хотите – втроем, тогда принесут дополнительное спальное место.

Народ кинулся расхватывать ключи от номеров и делиться на пары. Тут-то и возникла непредвиденная ситуация – энное количество народа захотело жить отдельно. Например, сладкая тройца Татьяна, Эдуард и Настенька. В итоге расселились все, кроме Аграфены и ведущего артиста Николая Еремеевича. Вилли повернулся к ним.

– Мы не являемся парой, – сразу же предупредила Груша. – Но я выросла в советских условиях, прошла лагеря, я имею в виду пионерские, и студенческие сборы, когда по двадцать человек в палатке, так что согласна на любые условия. То есть в быту я абсолютно неприхотлива.

– Я, конечно, тоже, – подал голос Николай Еремеевич. – Груня – человек мирный и порядочный, я готов делить с ней номер. Приставать не буду, давно не по этой части. Только боюсь, ей не понравится мое соседство – я храплю.

– Ширму можно поставить между кроватями... – неуверенно предложила Аграфена.

Вилли посмотрел на ключ у себя в руках с номером двадцать четыре и протянул его Николаю:

– Там кровать одна. Держите! А девушку я пристрою.

– Вы не обидите Груню? – забеспокоился Николай. – Она ведь у нас – душа театра! Если вы ей предложите номер хуже, то лучше я туда пойду.

– Я похож на мужчину, способного предложить женщине что-то худшее?

– Нет, сэр! – козырнул Николай Еремеевич, звякнул ключами и удалился.

Аграфена выждала время и осмелилась поднять глаза на хозяина отеля.

– Все расселены? Я одна осталась?

– Одна.

– И куда меня?

– Отель очень популярен, – издали начал Вилли.

– Я и не сомневаюсь. Он необыкновенно красивый и расположен в сказочном месте.

– Спасибо, я это тоже всегда отмечал. Мог бы жить в любой стране, в любом отеле, но привязан именно к нему. Хотя, конечно, Венгрия для меня – особая страна, считаю ее родиной.

– А я нигде не бывала... Моя родина – Россия... – переминалась с ноги на ногу Аграфена.

– Я чувствую себя неловко, потому и затягиваю то, что должно случиться, – признался Вилли.

– А что должно случиться? – заволновалась Груша.

– Я должен заселить вас.

– Я уж испугалась... – Она выдохнула. И догадалась: – Свободных номеров больше нет? Ничего страшного, я готова разместиться, где скажете, хоть в подвале. Мне все равно.

– Можно было бы поселить вас в любом отеле, но не думаю, что это хорошо – отрывать вас от своих. Знаете что, пошли! – Вилли подхватил ее вещи и поспешил по коридору.

Аграфена еле поспевала за ним. И вскоре они оказались в сногшибательном номере, состоящем из двух просторных комнат, соединенных арочным перекрытием. В одной имелся отсек для одежды, так называемая гардеробная, и стояла большая кровать с зеркальной спинкой, что-то в виде трюмо. Отсюда вела дверь на балкон с какими-то экзотическими растениями в горшках. Вторая комната была заставлена дорогой мебелью – рабочий стол с компьютером, книжные шкафы, панель домашнего кинотеатра. Общий фон помещений светлый. На стенах висели подлинники очень неплохих пейзажей, с потолков свисали люстры из венецианского стекла. Сквозь огромные окна в комнаты потоками вливались солнечные лучи.

– Очень красиво! – ахнула Аграфена.

– Располагайтесь, где хотите.

Груня нерешительно прошлась по номеру.

– Все на втором этаже, а я здесь... Ой, а чьи тут вещи?

– Видите ли, это и есть мои апартаменты. Но поймите меня правильно: здесь две комнаты, места хватит нам обоим. Отель и правда забит битком... Честное слово, я не буду к вам приставать! Не в моих правилах добиваться женщины силой. Но если настаиваете, я на ночь могу уезжать домой. Пока вот так вот...

Аграфена не знала, что и сказать.

– Я не должна была остаться одна?

– Если честно, то нет. Я думал, что все расселятся. Но это не меняет моего предложения.

– А почему вы предложили здесь жить именно мне? – спросила Груня.

– Вы мне показались самой... – Вилли смутился.

– Адекватной? – добавила она.

– Можно и так сказать, – согласился Вилли.

– А по мне что-то заметно? – насторожилась художница.

– Я прямо чувствую волны настороженности. Но обещаю не мешать отдыхать.

– Я не боюсь, что вы станете посягать на мою честь, – честно ответила Груня, – но в таком решении есть что-то неправильное. Простите, Вилли, но я здесь не останусь. По большому счету вы могли бы предложить жить с вами какому-то мужчине...

По лицу хозяина отеля было понятно, что он сильно разочарован и расстроен.

– Но... я бы не хотел слышать чей-то храп, и...

– Не волнуйтесь! Я найду себе место у Тани, нашей актрисы. У нее сложный характер, но мы с ней ладим.

Аграфена гордо развернулась и вышла.

– Я принесу вещи, – сказал Вилли разочарованно уже в ее спину.

Глава 7

Груша даже не поняла, с чего начались ее злоключения. Как-то вот вообще ни с чего. Ладно бы дорогу ей перешла женщина, в одной руке несущая пустое ведро, а в другой черного кота за шкурку. Так ведь нет! Но уже и приезд в Венгрию оказался сногшибательным – и в тюрьму загремели, и тот, к кому ехали, умер. На сем неприятности могли бы и закончиться, однако продолжение, как говорится, следует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.